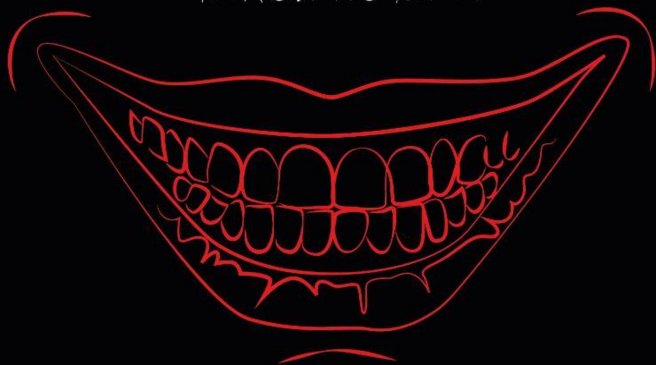

Нэн Ройс

БЕЗЛИКИЕ

ЧУЖОЙ ПОЧЕРК

— ПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ.
— НЕ ТОРОПИТЕСЬ С ВЫВОДАМИ.

18+

Нэн Ройс

Безликие. Чужой почерк

<https://litres.ru/74537208>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Можете молчать. Тело выдаст вас раньше, чем вы закончите эту мысль».

Для профайлера Никки Хейз эта фраза – не вежливость, а профессиональный принцип. Она видит то, что люди тщательно скрывают: ложь в изгибе губ, страх в дрожании пальцев, боль в пустоте взгляда. Её новым работодателем становится Алан Дэй – влиятельный лоббист с репутацией человека, который никогда не проигрывает.

Кажется, девушку ждёт рутинная проверка сотрудников на благонадёжность. Но первое же дело вскрывает систему лжи, построенную на чужих несчастьях. Вскоре Никки понимает: её наняли не находить правду, а грамотно упаковывать. Проблема в том, что она – спец по вскрытию.

Чтобы выстоять, Хейз придётся вступить в опасный танец с тем, кто лучше всех знает, как её сломать, и научиться читать между строк босса, для которого игра давно стала единственной реальностью.

В городе, где у каждого своя роль, самой страшной оказывается – быть тем, кто в неё больше не верит.

Трилогия, книга первая.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	81
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Нэн Ройс

Безликие. Чужой почерк

Безликие

Книга 1. Чужой почерк

Нэн Ройс

Пролог

Тишина была не просто отсутствием звука. Она была веществом: густым, маслянистым, наполняющим пространство до краёв. Она впитывала в себя последние крохи тепла от тела, распластанного на кафеле, и возвращала обратно леденящее прикосновение полированного камня. Он ещё помнил шаги. Тяжёлые, размеренные, с лёгким скрипом подошвы, что раздавался лёгким эхом по стенам. Они обошли её, замерли на мгновение, будто оценивая работу, а затем удалились. И эти шаги, уходя, были уже легче. Будто их хозяин оставил в этой комнате всё ненужное – выдохся, как баллон с отравленным газом, выполнив свою функцию.

Воздух был чист. Слишком чист. Он пах мятными леденцами, перебивающими едва уловимый химический шлейф, от которого слезились бы глаза, будь они ещё способны на это. Но слёзы давно высохли, уступив место безжизненной плёнке, затянувшей зрачки.

Мир сузился до белого потолка и равномерного цоканья. Метроном в соседней комнате, в такт настенным часам, отсчитывал секунды, которые больше не имели значения. Щелчок. Ещё один. Каждый звук отсекал кусок прошлого, отдаляя женщину от того, что было «до». До звонка. До неверного шага. До доверия, которое оказалось люком, ведущим в эту стерильную ловушку.

В мутнеющем сознании, уже почти растворившемся в накатывающей волне небытия, всплыла последняя, отполированная до кристальной ясности мысль о простой, невозможной механике:

«Если бы шестерёнки внутри этих часов смогли вернуться в обратную сторону».

Образ был пугающе спокойным. Лишённым паники, как и всё её тело, парализованное полным крушением реальности. Минутная стрелка, неумолимая и равнодушная, сделала ещё один шаг вперёд.

А в углу, на ослепительно белой плитке, лежал маленький, казалось бы, никому не заметный предмет. То была не улика, не насмешка, а **зёрнышко**— крошечный зародыш будущего хаоса, которое должно было прорасти чужими руками. Знак для того, кто придёт следом и сможет его увидеть.

Глава 1

Квилк был многовековым шумным мегаполисом, магнитом для людей с соседних окраин, мечтавших о заработке, уюте или просто другой, тихой и спокойной жизни. Последнее, судя по новостям, крутившимся в эфире целыми днями, удавалось им далеко не всегда.

Вообще это был город-стихия. Центр трагикомедии. Даже погода, бывало, прогоняла нежданных гостей своими перепадами настроения в виде долгой засухи или, напротив, затяжных ливней. И зачастую, одно сменяло другое: бури приходили так же неожиданно, как и уходили, возвращая тихий уклад жизни и тёплое солнце, согревающее цветущую зелень. Не каждый мог пережить подобные острые изменения, и, сетуя на недружелюбный местный народ и магнитные бури, народ уезжал туда, откуда прибыл. От этих миграций здесь всегда было суматошно.

Наверное, именно поэтому столица давным-давно приглянулась старшей из сестёр Хейз – Кейт. Она была завидной красоткой: длинные пышные локоны, выкрашенные в благородный медный цвет, светло-карие глаза, умеючи заигрывающие с противоположным полом, тонкие нежные черты лица. Ростом она вышла чуть выше среднего, пышная грудь всегда была её достоинством, которое подчёркивала осиная талия и длинные стройные ноги. Она была вопло-

щением женственности: её девичьи, надутые в обиду губы и ослепительная голливудская улыбка сводили с ума мужчин, чьим преувеличенным вниманием она, конечно же, не пренебрегала. И, как подобает «Совершенству», Рыжая была на порядок капризна и себялюбива.

Сегодня она порхала по квартире, переполненная то ли радостью встречи, то ли волнением от переезда сестры, с которой они давно не виделись. Кейт властно указывала грузчикам кончиками тонких длинных пальцев, куда ставить коробки, чтобы не запачкать её вылизанный до блеска паркет и ворсистый ковёр. Её слегка визгливый голосок, стоило его слышать, всегда заставлял младшую морщиться.

Никки Хейз была, напротив, ниже среднего роста. Она не красила волосы и почти не наносила макияж, в отличие от своей звёздной сестры. Её карие глаза были темнее и глубже, а лицо – не столь идеально-овальным: чуть угловатые скулы, тонкий, едва вздёрнутый нос и губы, более припухлые, чем того желала их обладательница. Не зная, какая цифра написана в её паспорте, можно было принять девушку за миловидного подростка. Шатенка таскала коробки со своими вещами наравне с немногочисленными грузчиками, и понимающе кивала им каждый раз, когда писклявый вопль их рыжеволосой рабовладелицы прорезал воздух.

Когда последняя ноша была занесена внутрь, Кейт демонстративно захлопнула дверь перед лицом одного из помощников, явно рассчитывавшего на чаевые после двукратного

подъёма на четвёртый этаж.

— Вот же бездельники! — Возмущалась красотка,правляя своё алое лёгкое платице. — Им же платят оклад, а они ещё выпрашивают подачки!

Никки устало присела на одну из коробок и заправила выпавшую непослушную каштановую прядь за ухо. Щёки пылали от напряжения, а в ушах стоял назойливый звон – не от нагрузки, а от бесконечного потока слов, что изливала сестра.

Пока старшая строила воздушные замки, младшая мысленно примеряла на себя давно сброшенную кожу. Жизнь в этой квартире четыре года назад... Тогда всё казалось таким ясным, таким возможным. А потом – лишь смутная дымка и тишина. Теперь туман рассеялся, и она снова здесь, среди этих стен, которые помнили всё: и её надежды, и её падения.

— Твоя комната всё там же, на втором этаже. Я подготовила кровать, освободила комод и шкаф, — Кейт жестом показала на лестницу, не прекращая расставлять на кухонном острове только что купленную косметику. — В ванной свежие полотенца.

Словно вспомнив что-то очень важное, девушка, выныривая из облаков, вдруг встрепенулась и резко сменила тему.

— Сегодня вечером мы идём исследовать ярмарку! — Рыжая оживилась и, излагая свой продуманный до мелочей план, то и дело взмахивала руками. — ...представляешь, какое прекрасное совпадение? Они приехали сюда только вче-

ра и всего на неделю! Мы обязательно забежим туда, чтобы застать фейерверки. Ты даже не можешь представить, какие у нас теперь бывают салюты!

— Ты не поможешь мне занести это барахло наверх? — Как бы невзначай спросила шатенка.

— О, я бы с радостью... — В её голосе Никки тут же распознала фальшь. — Но у меня ещё куча работы перед тем, как мы с тобой отправимся гулять...

Младшая скептически закивала, словно говоря: «Ну да, ну да», и Кейт виновато пожала плечами.

— Прости, я правда помогла бы тебе, но у меня столько незаполненных отчётов, а надо ещё проверить лабораторные сводки анализов и...

— Проехали. — Отрезала сестра.

«Вечно занятая», с облегчением выдохнув, счастливо улыбнулась и упорхнула к себе в комнату, соседствующую с кухней-гостиной, опасаясь, как бы сестрёнка не накинула ей ещё работы.

Тишина, наступившая после ухода Рыжей, была, как это говорится, густой и звенящей. Никки медленно поднялась по лестнице в свою старую комнату. Ничто здесь не изменилось за четыре года, будто время застыло в ожидании её возвращения: пыль серебрилась на комоде в луче заходящего солнца, на столе, казалось, в том же положении, остались стопка классической литературы и кружка с надписью: «Здесь должно быть винишко», наполненная ручками и карандаша-

ми. Тусклый свет падал в комнату через плотные занавески, освещая поднятые вверх пылинки с ковра – последствия «инородного» вторжения в мёртвое царство четырёх стен. Даже кровать осталась нетронутой – голый матрас и подушка без наволочки. О том, что здесь недавно побывали, говорили лишь сложенный комплект постельного белья, притоптанный ворс и несколько следов от пальцев на мебели.

Никки поставила коробку с одеждой на пол и взглянула на комод, стоящий у двери: провела пальцем по шероховатой поверхности дерева. В памяти всплыл образ: она в спешке сгребала свои вещи в чемодан, Кейт стояла в дверях с каменным лицом. Тогда этот город и эти стены, как ей казалось, вытолкнули её. А теперь она стоит здесь, посреди своего прошлого, поставленного на паузу.

«Добро пожаловать в Ад», — пронеслось в голове у шатенки.

Причина возвращения была простой и неоспоримой, как удар топора по крепкому полену. Не ностальгия или попытка вырасти над собой. Дело. Конкретное, пахнущее деньгами.

Когда Ник Дэй, парень Кейт, появился на пороге её убежища, точно упавший снег на голову, это мало обрадовало девушку. Однако, его миссия, помимо прочего, была прозаичной и многообещающей: он приехал с выгодной сделкой.

Двумя днями ранее:

Никки Хейз встала этим утром в десять, с чувством абсолютной бодрости. Она проделала обычный утренний ритуал:

оделась, умылась, приготовила завтрак. Включила небольшое радио на кухне, заварила себе кофе с молоком и даже поджарила тосты с сыром – большая редкость для человека, не привыкшего завтракать раньше полудня. Стоило девушке сесть за стол, как в дверь постучали. Вилка с горячим кусочком сыра уже была на пути ко рту. Недовольно выдохнув, она отложила еду, и пошла выяснять, кого к ней занесло в такую «рань».

За дверью оказался не кто иной, как уже встречавшийся ей на днях рыжеватый молодой человек с голубыми, как ясное июньское небо, глазами. Он стоял с приветливой улыбкой от ушей и радостно начал махать рукой, когда завидел её. Его радушие мгновенно сползло с лица, когда, не дожидаясь ни слова, Хейз захлопнула дверь перед самым его носом.

Парень постоял несколько секунд на месте, осмысливая произошедшее, а затем постучал ещё раз. На этот раз дверь была открыта чуть больше, и в щели появилась недовольная физиономия Никки, которая поздоровалась с ним довольно необычно:

— Пошёл к чёрту.

Шатенка уже закрывалась от него, но мужской ботинок, вставленный между ней и косяком, остановил закономерный процесс.

— Ты просто обязана меня выслушать!

Никки недовольно вздохнула:

— Не интересуется.

— Но...

— Проваливай!

Девушка с силой вытолкнула непрошенного гостя и дёрнула щеколду. Стоило ей только присесть обратно за стол, как настойчивый стук, врезающийся под черепную коробку, раздался снова. Она сжала кулаки, со скрипом двинула деревянный стул по крашенным половицам и вернулась к «гостю».

— Скажи честно, твой девиз: «слабоумие и отвага»?!

— Мой девиз – четыре слова, — беззаботно улыбнулся Ник, — «не впускают – пробуй снова».

Хозяйка дома, сощурившись, пристально вглядывалась секунд пять в это необременённое чувством такта лицо, после чего, закатив глаза, снова скрылась в глубине своего пристанища.

— Я всё ещё здесь! — Послышалось из-за стены.

Хейз вернулась к остывающему завтраку и чуть не поперхнулась кофе, когда рыжая физиономия появилась перед ней в окне:

— Я тебя вижу! И знаю, что ты меня слышишь. Мне нужно всего 5 минут!

Шатенка зарычала и ушла с тарелкой в дальний угол, скрытый от чужих глаз. В районе прихожей опять послышалось постукивание. И вторично. И в пятый раз. И в десятый. Две минуты неустанного вторжения в чужое личное пространство возымели своё действие: ангельскому терпе-

нию пришёл конец.

Дверь резко распахнулась и в проёме появилась Никки с самым спокойным на планете лицом, взводящая дробовик.

— Смекаешь? — Ухмыльнулась она.

Ник подпрыгнул, скорее от неожиданности, чем от страха, но продолжил штурмовать неприступную крепость, вытянув вперёд руки в знак капитуляции:

— СМЕКАЮ. Но! У меня контраргумент.

— Один, — предупредила она, не опуская оружие.

— Твоя сестра уже заждалась дома своего любимого парня, — он вальяжно указал пальцем на себя, — и вот-вот начнёт названивать *лучшему механику* в этом городе, чтобы она починила его, то есть, *мою*, тачку... — Голубоглазый прищурился и втянул голову, словно ожидая, что в следующую секунду его ударят по загривку сковородой.

Хейз замешкалась, прикидывая варианты. Потом вздохнула и опустила ствол себе на плечо, прислонившись к дверному косяку.

— И пока я буду копать в твоём движке, ты мне весь мозг выешь чайной ложечкой со своим контрактом?

— Нууу... зато Китти... — Он поднял указательный палец вверх, но ему не дали договорить.

— Переживёт. — Отрезала шатенка, отсекая себя массивным деревом.

Часа через два, когда Хейз просматривала новостные ка-

налы на компьютере в поисках чего-нибудь сносного, на тумбочке зазвонил мобильный.

— Ей-Богу, приезжай и заberi этого балбеса отсюда! Он мне всех клиентов распугивает! — Втрубке почти кричал раздражённый Джек, владелец единственной автомастерской в крохотном городке под названием «Тоунфер».

«Хороший день, чтобы умереть», — со штампованной фразой голливудских боевиков и интернет-достояний в голове, Никки выключила чудо инженерной мысли и пошла собираться.

Каких-то двадцать минут, и её чёрный «конь» с глухим урчанием заглох у ржавых ворот мастерской. Прежде, чем войти, Хейз сделала паузу, решив оценить ситуацию и понаблюдав за картиной через запylённое стекло. Ник, в своих неприлично дорогих для этого места кроссовках, анимировано жестикулировал перед лицом хмурого постаревшего механика. Тот, с запачканной мазутом ветошью в руках, смотрел на молодого человека с таким выражением, будто готов швырнуть в говорящего газовый ключ.

Никки беззвучно вошла внутрь помещения, пахнущего машинным маслом и металлом. Она подошла к парню сзади и произнесла ровным, холодным тоном:

— Если ты за минуту не объяснишь, какого ляда травишь моему боссу байки и отвлекаешь его от работы, твоя «тачка» будет готова ровно «никогда».

Рыжий вздрогнул и резко обернулся. Увидев её, он на

мгновение растерялся, но его лицо сразу озарила новая, уже не такая дурашливая улыбка. Было ясно: своего он добился.

— А я как раз пытаюсь объяснить господину Майерсу, что лишаю его лучшего работника! — Пафосно и с особой гордостью объявил он.

Дэй ловко достал из нагрудного кармана сложенный в несколько раз лист бумаги. Это был не дизайнерский бланк, а распечатка. Парень протянул её девушке, и та саркастично повела бровью.

«Второй визитки в запасе не оказалось?», — цинично подумала она, вспоминая, куда отправилась первая.

— Прежде чем швырнуть это мне в лицо, просто взгляни на цифру в графе «годовой оклад», — в голосе этого добродушного простака впервые за последние дни, в которые он её терроризировал, прозвучала не наигранная, а деловая серьёзность.

Никки, не отрывая от него холодного взгляда, развернула лист. Её взор скользнул по тексту, задержался на указанной сумме. Брови чуть дрогнули. Это был не просто хороший оклад. Это была сумма, за которую в Тоунфере нужно было пахать года два, не поднимая головы. Джек, закатив глаза, вернулся к работе, бормоча себе под нос:

— Она мне станок третий день не чинит из-за какого-то треклятого отчёта, а здесь этот... банный лист...

Парень, не обращая внимания на старика, продолжил.

— Слушай, я знаю, у тебя фриланс, свобода и всё *такое*,

— он осторожно наклонил голову в сторону старого мастера, — но деньги ведь ещё никому не были лишними, да? Никто не продаёт тебя в рабство, это просто предложение о работе...

Хейз медленно подняла на него глаза: искала в его лице ложь, насмешку, подвох, но видела лишь азарт игрока, поставившего на кон всё. Выдержав небольшую паузу, она выдохнула.

— И что я должна делать за эти деньги? — Спросила шатенка, сверля его взглядом. — Терпеть тебя? Целыми днями?

— Я, конечно, скрашу некоторые твои серые будни, но... нет, — Рыжий покачал головой и произнёс сухо, как констатацию факта. — Ты вроде людей неплохо читаешь? Официально Алан нанимает тебя как внутреннего аудитора. Неофициально – как профайлера. Составлять психологические портреты, прогнозировать поведение... Всё остальное – его зона ответственности.

Деньги – приманка, но вызов – крючок. В глазах Никки, поверх слоя скепсиса и усталости, вспыхнул азартный огонёк. Она ещё раз посмотрела на цифру в оффере, а затем на своего взволнованного старинного друга. Её взгляд пробежался по ржавым стенам родной мастерской и снова вернулся на «гостя».

— Ладно, — тихо, с лёгким недоверием, сказала она. Сложив распечатку вчетверо, она спрятала её в карман своих

джинсов и кивнула в сторону его машины. — Закончу завтра. А потом я выслушаю твоего брата. Но только выслушаю! Ничего не обещаю.

— Хвала нейронам!¹ — Ник буквально вспыхнул от облегчения. — Всё! Больше не напрягаю!

Рыжий источник неиссякаемого позитива развернулся и почти побежал к выходу, попутно набирая чей-то номер в своём дорогом смартфоне. Никки поймала себя на мысли, что впервые видит, чтобы человек так искренне радовался, когда его посылают, а также заметила, как его голос, только что бойкий, стал мягким, почти вкрадчивым. «Солнышко, это я!», — долетело до неё. Она хмыкнула.

Девушка осталась стоять среди кучи запчастей и парочки «пожилых» пикапов с распахнутыми капотами. Запах бензина и металла, успокаивающий, придающий уверенности и веры в размеренную стабильность завтрашнего дня вдруг болезненно отозвался в груди. Шатенка не чувствовала радости. Лишь тяжёлое, холодное чувство решимости. Никки Хейз только что продала своё спокойствие. Но купила шанс. И была готова посмотреть, стоило ли оно того.

Наши дни:

Ник не стал расписывать детали, да она и не спрашивала. «Консалтинг» был веским аргументом сам по себе. Он сулил

¹ Цитата персонажа Шелдона Купера из сериала «Теория Большого Взрыва» (2007-2019).

не просто зарплату, а возможность прочно встать на ноги.

Шатенка открыла чемодан, собранный явно не на один уикенд, и стала перекладывать вещи в шкаф. Меж слоёв одежды лежала та самая замусоленная распечатка – её пропуск в «новый день».

«Ну, Хейз», — повторила она про себя, на этот раз с лёгкой, почти невесомой улыбкой. — *«Посмотрим, что из этого выйдет».*

Она провела пальцем по экрану телефона, задерживаясь на несохранённом номере. Завтра она позвонит ему. А сегодня ей предстояло пережить ярмарку, салюты и притворно-радостную болтовню сестры.

Глава 2

Ярмарка оказалась не просто скоплением аттракционов. Это был город в городе – яркий, громкий и насквозь фальшивый. Раскалённый как сковорода. Воздух был густ от смога, запаха сахарной ваты, жареного миндаля и дорогой туалетной воды, смешанной с тяжёлым дыханием толпы.

Кейт, сияя, тащила Никки от одного стенда к другому, без умолку комментируя наряды прохожих и сокрушаясь по поводу того, что её личный «телохранитель» не отправился с ними на прогулку после её «мягкого» намёка отправиться гулять лесом из-за какой-то бытовой перепалки. Никки лишь кивала, автоматически улыбаясь, но её взгляд то и дело скользил по лицам, считывая микровыражения: здесь – скука, там – наигранный восторг, чуть дальше – тревога. Старая привычка, ставшая профессией.

— Смотри! — Кейт дёрнула её за рукав, указывая на роскошный павильон с винами. — Это партнёры «Квантума»! Пойдём, представлю тебя!

Прежде чем младшая успела отказаться, её уже потащили в самую гущу событий. Плотное кольцо незнакомых плеч и спин сомкнулось вокруг, лишая пространства для манёвра. Густая тёплая масса тел, пропитанная солоноватым запахом пота и удушливым парфюмом, накрывала с головой. Каждый вдох приходилось буквально проталкивать в лёгкие.

Даже привычная психологическая защита не спасала – физический дискомфорт нарастал с каждой секундой. С трудом пробиваясь сквозь эту живую преграду, сёстры наконец оказались внутри.

— Весьма неплохо для ярмарки, — отметила Никки, окидывая взглядом отделку и отгоняя липкие мысли о тучных телах, прикасающихся к ней минуту назад.

— Ну, так! Это же «КВАН-ТУМ», — деловито заявила рыжая.

Старшая действительно гордилась тем, что работала в одном из крупнейших медицинских центров, и этот крохотный кусочек статуса был её щитом против вечной неустроенности сестры. Её должность звучала солидно – «старший научный лаборант», – а на деле, по циничному мнению Никки, сводилась к той же возне с пробирками, что и у студентов-первокурсников. Разница была лишь в цене оборудования и в том, что здесь за ошибку могли не «двойку» поставить, а вышвырнуть с волчьим билетом.

Пробегаясь взглядом по пёстрой толпе, отшатывающейся от них с Кейт, как от прокажённых, младшая Хейз машинально отмечала позы и жесты: *«Скучающая светская львица. Напряжённый карьерист. Пьяный нувориш...»*.

Её взгляд, скользящий по лицам, как сканер, наткнулся на одно-единственное и замер. Время остановилось. Замолкли голоса вокруг.

Брюнет, ростом выше среднего, стоял в самом тёмном уг-

лу, прислонившись к косяку двери в зимний сад, непринуждённый и будто бы не замечающий производимого эффекта, – хотя Никки знала: он видел всё и всегда. Он был гением незримого влияния.

Хейз мысленно, по слогам, просмаковала имя, годами отзывавшееся в сердце сладко-горьким эхом, смесью мёда и полыни, самой приятной из ран и самой болезненной из привычек: *«Гар-рет»*.

Воздух выстрелил из лёгких тихим, неслышным свистом. В висках застучало. Весь её отлаженный внутренний механизм – анализ, контроль, подавление – дал сбой, треснул по швам, и из щелей хлынуло прошлое. Тепло его ладони на её талии. Холодок в голосе, когда он говорил то, что ранило больше всего. И тот пьянящий, опасный восторг, когда он смотрел на неё так, будто она – единственная загадка в мире, которую стоит разгадывать.

В руке у него покоился бокал виски. Шатенке хватило одного мгновения, чтобы убедиться: он совсем не изменился с их последней встречи. Всё та же безупречная, чуть небрежная элегантность, тот же пронзительный, тяжёлый, скупающий взгляд, который привык оценивать всё на своём пути. И сейчас всё его внимание было приковано к ней.

Кареглазый мужчина приподнял бокал, без слов приветствуя Никки. Он изучал её, как учёный изучает давно потерянный, но внезапно найденный экспонат.

В горле у Хейз пересохло. Весь шум ярмарки отступил,

превратившись в глухой гул. Она почувствовала, как по спине пробежали неприятные колющие мурашки.

Одной секунды хватило, чтобы её броня, стоившая ей стольких лет боли, обратилась в пыль. И в следующее мгновение, с усилием, от которого свело челюсть, она эту броню надела вновь. Хейз сделала глубокий вдох и кивнула ему в ответ – коротко, почти небрежно. Но где-то глубоко внутри, Никки, просто девушка, уже искала пути к отступлению.

— Ты в порядке? — Голос Кейт прозвучал как будто издалека, возвращая шатенку в реальность.

— Душно... — Выдохнула она, не поворачиваясь к сестре. — Пойду подышу.

Девушка неспешно направилась к выходу, к небольшой террасе, чувствуя на себе жгучий взгляд.

Раскалённый ночной воздух обжёг лёгкие, и это жжение, наконец, прорезало ментальный туман, вернув ясность мыслей. Шатенка прислонилась руками к перилам террасы, смотря на огни города и пытаясь заглушить внутреннюю дрожь. Она ждала этого. Готова была к этому. Однако, теория оказалась слабым утешением перед лицом практики. На глаза попался листок с кричащим заголовком: «ПРОПАЛ», беспомощно шуршавший под ногами прохожих. Никки усмехнулась иронии.

— Тактическое отступление? Или ты меня избегаешь? — Его голос прозвучал прямо за спиной, тихий и насмешливый.

Шатенка не обернулась. Распрямив плечи, она парировала:

— Просто проветриваюсь. Или у тебя патент на свежий воздух?

Уголок его губ дрогнул в подобии улыбки.

— Патентую только интересные экземпляры. А ты, как я вижу, не растеряла свою остроту. Приятно.

Гаррет шагнул вперёд, встав рядом. Он протянул Никки второй бокал, который держал в левой руке, а затем закурил, устремившись на огни оживлённого переуллка. По их старому, безмолвному обыкновению они, не глядя друг на друга, коснулись стеклянных фужеров. Под этот чистый звон в унисон прозвучало:

— Добрый вечер.

Эхо их голосов растворилось в ночи, оставив после себя умиротворительную тишину. Они стояли плечом к плечу, словно два актёра, исполняющие давно заученные роли. Гаррет первым нарушил молчание, сделав небольшой глоток.

— Итак, ты вернулась. Позволь угадать: блестящая карьера, головокружительные перспективы и всепрощающая сестра, тосковавшая по родственной душе? — Его голос был ровным, но в каждом слове чувствовалась ядовитая насмешка.

— Ты всегда любил упрощать, — усмехнулась Никки, намеренно избегая его карих глубин. — У сложных уравнений бывает только одно решение?

— У сложных – нет. У простых – да. А люди просты. В ос-

нове любого поступка лежит страх, жадность или тщеславие. — Он наконец повернулся к ней, и его взгляд стал пристальным, почти физически осязаемым. — Какой из этих двигателей вернул тебя в мой город, Никки?

Она почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. «*Мой город*». Всего два слова, но в них сквозила безраздельная уверенность хищника, пометившего свою территорию.

— Ты ошибаешься, — она намеренно сделала глоток, чтобы выиграть секунду. — Это не твой город. И уж точно — не твоя собственность.

— Всё, что представляет интерес, рано или поздно становится моей собственностью. Или развлечением. — Он затянулся и мягко вынудил девушку повернуться к себе, коснувшись края её бокала. — Так ответь мне, Никки, что привело тебя обратно. Страх? Жадность? Или... тщеславие?

В его глазах она увидела знакомый огонёк — смесь научного интереса и предвкушения охоты. Этот взгляд когда-то пугал её, затем сводил с ума, а теперь вызывал лишь студящее душу равнодушие. Она знала его вдоль и поперёк, и всё, что он мог бы сказать — угадывала наперёд. Этой мысли шатенка улыбнулась.

— Я не обязана отчитываться перед тобой, — голос её дрогнул. Она ощутила лёгкое опасение перед той малой частью себя, что всё ещё отзывалась на его вызов, — Некоторые вещи просто... случаются.

— Со мной ничего не «случается», — мягко поправил он её, выпуская тонкую струйку дыма. — Я либо позволяю чему-то случиться, либо делаю так, чтобы это случилось. И ты тоже.

Мужчина поставил стакан на перила, бросив истлевший окурок в темноту. Его движения были плавными и уверенными.

— Добро пожаловать домой. Надеюсь, ты готова к тому, что ждёт тебя дальше. — Он раскрыл руки в коротком, почти дружеском жесте.

Никки последовала его примеру, отставив свой фужер. Сейчас ей было слишком сложно отказать ему — и, главное, себе — в этой маленькой слабости, в призрачном ощущении тепла из прошлого.

Объятия вышли крепче и затянулись дольше, чем она ожидала. Гаррет — и это стало для неё неожиданностью — казалось, искренне рад её возвращению. Он не спешил отпускать девушку, и на мгновение она почувствовала что-то знакомое, почти забытое — не манипуляцию, а просто молчаливую радость встречи.

Но всё кончилось так же внезапно, как и началось. Гаррет разомкнул объятия, подобрал свой бокал и, уже отходя, через плечо бросил:

— Передавай привет сестре. И.... своему новому работодателю. Ещё увидимся.

«Болтливая рыжая...», — мысленно прошипела Никки,

прикидывая, откуда у брюнета могла быть такая информация.

Вскоре в поле зрения появился объект её негодования: старшая Хейз грозно размахивала руками, её тоненький противный голосок сливался с гулом улицы, и младшая услышала лишь остатки фразы, когда рыжая подошла ближе.

— ... а ты стоишь тут как ни в чём ни бывало!

— Что? — Нарочно переспросила её шатенка, делая глоток виски, отчего рыжая пришла в ярость.

— Не притворяйся! — Кейт подошла ближе, и Никки увидела, как её прекрасное лицо исказила гримаса раздражения. — Он был тут буквально минуту назад, искал кого-то, но я так и не поняла кого... Ой, нет, погоди! — Она хлопнула в ладоши и сменила тему и тональность в голосе, с лёгкостью бабочки, перепрыгивающей с цветка на цветок. — Ты только представь, кто здесь был! Твой будущий босс! Алан Дэй!

Никки медленно повернулась к сестре. Та сияла, как будто сообщала самую пикантную сплетню.

— Это должно было меня удивить? — Спокойно спросила Никки.

— А ничего! — Кейт беззаботно махнула рукой. — Я сказала ему, что ты, наверное, ушла к фуд-корту. Честно говоря, ты выглядишь немного... уставшей после дороги. Не в своей тарелке. Не хотела, чтобы он составил о тебе неправильное первое впечатление.

Она сказала это с самой светлой, почти сестринской улыб-

кой. В её тоне не было злобы, лишь лёгкая, снисходительная забота, которая жалила куда сильнее открытой насмешки. Это был не удар, а булавочный укол, сделанный на бегу, пока её внимание было приковано к новым огням и звукам.

«Можно подумать, ты бы позволила затмить себя на этом вечере...».

— Какая трогательная забота о моей репутации, — сухо произнесла Никки, стирая рукавом проступившую испарину на лбу.

— Я же сестра! — Кейт уже смотрела куда-то через её плечо, на зажигающиеся гирлянды. — Ой, смотри, вон запускают первые шары! Пойдём, а то все лучшие места займут!

Она схватила сестру за рукав и потащила за собой, не оставляя возможности для возражений. Инцидент был исчерпан. Для Кейт — совершенно забыт.

Никки молча позволила увлечь себя. Она смотрела на спину сестры, на развевающиеся рыжие волосы, и понимала: самое опасное в Кейт было даже не коварство, а её абсолютная, подлинная неспособность осознать, насколько это коварство ранит. Она просто бросала слова, как блёстки, не задумываясь, где те упадут.

И пока в небе с грохотом распускались огненные цветы, Никки, вопреки всепоглощающему уличному зною, чувствовала лишь холодок на душе. Не из-за испорченного знакомства. А из-за лёгкого, ядовитого осадка, который оставили слова сестры. И из-за других слов, что эхом зазвучали в её

памяти:

«Ещё увидимся».

Тишина, оставленная Гарретом, таила в себе настоящую бурю. А против бури у Никки не было инструкций.

Глава 3

Устало плюхнувшись на диван после дня, состоявшего из сплошной беготни и мозгового штурма, Никки скинула тапочки и с силой провела рукой по лицу, смахивая с него и налипшую городскую пыль, и остатки терпения.

«Выпить. Лечь. Вырубиться». Идеальный план на вечер, не требующий умственной активности и лишних телодвижений.

Девушка всё-таки заставила себя подняться к себе и добрести до ванной, чтобы умыться, укротить непослушную шевелюру, больше похожую на гнездо после урагана, и наконец достичь вожделенной бутылки вина в холодильнике.

Однако Вселенная, казалось, питала к её планам личную неприязнь. Тишину нарушило сообщение с незнакомого номера. Телефон завибрировал на тумбочке – коротко, настойчиво, как назойливая муха в четыре часа утра. Каждый нерв, уже настроившийся на покой, снова натянулся струной. Незнакомые номера редко несли хорошие новости. Особенно поздно вечером. Особенно после того дня, что у неё выдался.

Палец завис над экраном, отбрасывая синеватую тень. Открыть – значит впустить в свой и без того переполненный мир ещё одну неизвестность. Проиигнорировать – позволить тревоге разъедать себя изнутри.

«Выбор между немедленным стрессом и отсроченной паникой. Прелестно».

С глубоким вздохом, в котором смешались усталость и фатализм, Никки провела подушечкой по экрану:

Неизвестный номер: «Завтра, 20:00. Благотворительный аукцион «Золотой Лотос», отель «Амбассадор». Пропуск у ресепшена. А.Д.».

Хейз не стала отвечать. Она оценила стиль: никаких лишних слов, никаких «Будьте так любезны» или «С Уважением». Чистая функциональность. Так общаются либо роботы, либо люди, чьё время дороже вежливости.

«Определенно, Дэй. Никаких сомнений. СМС сухое, как справка из наркодиспансера, и властное, как пинок под зад».

— Дресс-код не указан. Естественно. Проверка на профпригодность: сможет ли деревенская профайлерша вписаться в высший свет без инструкции, — пробормотала Никки, откладывая телефон.

Ей уже мерещилось его самодовольное лицо, ожидающее, что она явится в джинсах и косухе, по предварительной наводке от Ника.

Соблазнительные вечерние планы с вином и подушкой пришлось отложить. Хейз села за ноутбук, и тонкие пальцы заскользили по клавиатуре. Сайт мероприятия нашёлся быстро. «Золотой Лотос» – ежегодный аукцион в поддержку программ по борьбе с бедностью.

«Иронично», — мысленно фыркнула шатенка.

Фотографии с прошлых лет: дамы в платьях от кутюр, мужчины во фраках, шампанское, улыбки, стоявшие больше, чем её квартира. У Никки не было ни времени, ни желания покупать себе нечто подобное. Но была Кейт. Крайне своевременно, в дверном проёме появилась сестра, заглянувшая к ней «на секундочку» и тут же начавшая критиковать обстановку. Она с радостью ухватилась за возможность устроить «сеанс преображения гадкого утёнка», пока реальный объект её дрянного настроения пропадал где-то за пределами квартиры. Для Никки это была сделка с дьяволом, но игра стоила свеч.

— Хм, пожалуй, что-нибудь придумать можно. — Рыжая задумчиво постучала указательным пальцем по своим алым губам, в её глазах вспыхнул азарт шопоголика. — У меня есть одно платье, которое я надела всего раз. Оно тебе будет впору!

На следующий день, ближе к вечеру, Никки стояла перед зеркалом, с трудом узнавая отражение. Платье, которое Кейт забрала за «недостаточную длину», оказалось идеальным для невысокой фигуры сестры. Чёрное, с едва уловимым блёстками и глубоким декольте, оно мягко облегало изгибы, струилось до самого пола, даже несмотря на туфли-лодочки на шпильке.

Старшая наспех собрала её волосы в элегантный пучок, оголив тонкую шею, и нанесла лёгкий макияж, стараясь не перегрузить образ. Подчёркнутые скулы, аккуратные стрел-

ки и губы, тронутые помадой глубокого винного оттенка. Никки выглядела... собой. Не куклой, а усиленной, отполированной версией себя. Холодной и неуязвимой.

— Ну вот, смотри, какая красота! — Довольно вздохнула Кейт. — Теперь хоть в люди показываться не стыдно.

Никки не ответила. Она уже мысленно была на том аукционе.

Отель «Амбассадор» сиял, как гигантский хрустальный ларец. У входа выстраивались лимузины, вспышки камер выхватывали улыбки знаменитостей. Никки прошла внутрь, совершенно не удивившись, что её имя было в списке приглашённых.

Зал был огромным, заполненным гулом голосов, звоном бокалов и музыкой живого оркестра. Прохладный воздух, контрастирующий с жутким уличным пеклом, дрожал от ароматов дорогих духов и денег. Хейз замерла на мгновение на пороге, сканируя пространство. Её задача была ясна: найти Алана Дэя, человека, которого она никогда не видела.

Она намеренно не искала его фотографии в сети. Для профайлера чистый, непредвзятый «первый срез» был бесценен: его естественные микровыражения, поза, манера держаться в толпе — всё то, что он не успеет проконтролировать, заведя её. Интернет лишил бы её этого тактического преимущества, подсунув вместо человека — публичную маску.

Девушка не стала пробираться сквозь толпу. Вместо это-

го она нашла точку с хорошим обзором – у колонны, чуть в стороне от основного потока гостей. И начала наблюдать.

Её взгляд скользил по группам людей, выхватывая детали. Кто в центре внимания? Кто держится на периферии, но при этом все взгляды к нему возвращаются? Кто говорит, а кто слушает с особым, подобострастным вниманием?

Она заметила мужчину у бара. Дорогой, но не кричащий костюм, уверенная поза. Бармен подал ему напиток первому, даже не спросив предпочтений. Но этот человек слишком часто бросал взгляды на вход, словно ждал кого-то более важного. Не он.

Внимание привлекла группа у рояля. Зрелый мужчина с поседевшими висками, окружённый влиятельной свитой. Властный взгляд, привычка говорить, не глядя на собеседника. Возможно, но его жесты были слишком резкими, демонстративными. Алан Дэй, по ощущениям, должен был быть хозяином положения, а не тем, кто доказывает своё превосходство.

Минут через двадцать взгляд шатенки зацепился за фигуру на другом конце зала. Он стоял спиной к ней и был окружён небольшим, но ярким «гаремом» – тремя женщинами, каждая из которых могла бы с лёгкостью украсить глянцевого журнал. Одна что-то страстно рассказывала, жестикулируя, другая внимала его словам с обожающим взглядом, третья легонько касалась его руки, словно проверяя, реален ли он.

Мужчина слушал их со спокойной, немного отстранённой

улыбкой. Он не был активным участником беседы, но был её солнцем, вокруг которого вращались эти прекрасные планеты. Его осанка, лёгкий наклон головы, уверенность, с которой он занимал пространство – всё кричало о его статусе. Он не старался понравиться. Он позволял себя любить.

Атмосфера вокруг него была особенной. Деловые магнаты подходили ненадолго, почтительно кивали, бросали пару вежливых фраз и отходили, давая ему возможность продолжить беседу с прекрасным полом. Дэй не привлекал внимания, но был её центром. Невидимым гравитационным полем.

Он медленно повернулся, и профайлер увидела его профиль. Чёткий, сильный подбородок, прямой нос и – то, что сразу бросилось в глаза – идеально густая щетина. Это была не небритость, а мягкая, бархатистая тень, равномерно покрывавшая его скулы и челюсть, словно дорогая ткань. Она сливалась с такими же тёмными, ухоженными усами, едва затемнявшими линию верхней губы и придававшими его строгому лицу лёгкую, но безупречную небрежность. Высокий, атлетически сложенный брюнет в дорогом костюме-тройке выглядел так, будто сошёл с обложки. Словно почувствовав её изучающий взор, он обернулся чуть больше, и его взгляд, скользя по залу, на несколько секунд остановился на ней.

Никки не отвела глаз. Она держала этот зрительный контакт, спокойный и аналитический. Хейз не улыбалась и не кокетничала – изучала. *«Вот он. Хозяин вечера».*

Это длилось всего мгновение. Одна из его спутниц что-то

сказала, и мужчина, не спеша, вернул внимание к ним, одарив собеседниц той же лёгкой, обезличенной улыбкой, что и пару минут назад.

Ещё полчаса шатенка наблюдала за ним издалека, проверяя свою гипотезу. Каждое его движение, каждый жест подтверждали её правоту. Он был пауком в центре этой золотой паутины. Легко перемещаясь по залу, от одной группы к другой, везде мужчина находился как будто «своим». С политиками он был серьёзен и собран, с бизнесменами – немного циничен, с женщинами – очаровательно-лёгок. Это была шедевральная мимикрия.

«Опасно. Интересно. Раздражающе идеально», — пронеслось у неё в голове.

Когда аукцион был в самом разгаре, а толпа гостей переместилась ближе к сцене, высокий статный брюнет неожиданно появился рядом с ней. В одной руке он удерживал два бокала с шампанским.

— Мистер Дэй, — произнесла Никки, прежде чем он успел открыть рот. Её голос был ровным, без тени подобострастия.

Алан на мгновение замер, а затем уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. Он протянул ей фужер.

— Мисс Хейз. Приятно познакомиться.

— Не торопитесь с выводами, — парировала она, продолжая изучать его лицо.

Теперь, с близкого расстояния, девушка смогла разгля-

деть детали, ускользавшие в полусвете зала. Невесомая, почти снисходительная полуулыбка. В левом ухе – обсидиановое кольцо, от которого, едва уловимо покачиваясь, свисал тонкий изящный крестик. И самое поразительное – его глаза. Всё в нём было выдержано в строгой, почти монохромной гамме, но глаза ломали этот порядок. Они были не просто зелёными. Это был цвет холодного, глубинного изумруда – яркий, драгоценный и начисто лишённый тепла. Прекрасная метафора для человека, чья улыбка никогда не достигала сути.

Её взгляд, скользнув ниже, зафиксировал ещё один сбой в безупречном коде его образа. Из-под безукоризненного крахмального воротника на шее выходила верхняя часть татуировки – чёткие, стилизованные контуры черепа, от висков которого отходили изогнутые, как у горного барана, рога. Дьявольская эмблема. Тёмные линии уходили вглубь, под ткань, обещая, что под ней скрывается гораздо более масштабная картина. А когда он изящным движением поправил манжету, Никки на долю секунды увидела такой же тёмный узор на запястье, прежде чем рукав пиджака снова скрыл его. Татуировки. Обширные, явно покрывающие большую часть тела. Под этой безупречной оболочкой, под костюмом, пошитым на заказ и стоящим как годовой бюджет небольшого отдела, жил кто-то совершенно иной. Тщательно спрятанный.

В малахитовых глубинах мелькнуло неподдельное удивле-

ние – редкая реакция для человека, привыкшего к полному контролю. Или, возможно, он уловил, как её аналитический взгляд сканирует не только его лицо, но и эти выдавленные им самим секреты на коже. Мысленно Никки поставила себе галочку, правый уголок её губ приподнялся в едва заметной победоносной ухмылке.

— О, — он мягко качнул головой, в нём вспыхнул живой интерес. — Предупреждение принято. Что ж, должен признаться, начало более чем впечатляющее. Найти иголку в стоге сена – просто. Найти того, кто управляет всем стогом, не будучи в нём самым ярким предметом, – искусство.

— У меня не было описания, — заметила Хейз, сделав маленький глоток. — Пришлось опираться на поведенческие паттерны. Хотя ваш «живой учебник по социальной динамике», — она кивнула в сторону группы женщин, всё ещё наблюдавших за лоббистом издалека, — был довольно красноречивой подсказкой.

— Считайте это полевыми исследованиями, — легко откликнулся Алан.

Мужчина облокотился на колонну рядом с Хейз, их плечи теперь почти соприкасались. Он смотрел на зал, но всё его внимание было приковано к ней:

— Люди врут. Их слова, резюме, улыбки – всё это маски. Но язык тела, микровыражения, то, как они занимают пространство... это всегда говорит правду. Мне нужен человек, который видит её.

— Для чего? — Не моргнув глазом, продолжила шатенка.
— Чтобы манипулировать?

Дэй наконец повернул к ней голову, и Никки посмотрела на него в ответ. В его глубоких глазах вспыхнул тот огонь, который она надеялась увидеть — смесь вызова и одобрения.

Прежде чем ответить, он замер, позволив взгляду скользнуть по её фигуре — медленно, с холодной оценивающей отстранённостью антиквара, разглядывающего потенциальное приобретение. Его внимание, выверенное как скальпель, отметило лаконичную элегантность причёски, безупречную линию ключиц, аскетичный фасон платья, который лишь подчёркивал то, что другие женщины старались бы выставить напоказ.

Никки была почти на две головы ниже него, и её не спасали даже туфли на высоком каблуке: глубокое декольте оказалось прямо в поле зрения этого хищника. Алан на мгновение почувствовал, как в сознании вспыхивает знакомое, почти рефлекторное влечение, но тут же постарался погасить его. Он не покупал женщин, разве что коллекционировал. А эту — он нанимал.

Хейз ощутила это рецензирование на своей коже, как физическое прикосновение.

«Анализ активов», — беззлобно констатировала она про себя. Отчасти это ей даже польстило.

С лёгким усилием зеленоглазый поднял взгляд и продолжил. Голос его звучал ровно, без намёка на только что про-

мелькнувшую оценку:

— Чтобы предвидеть. Манипуляция – инструмент грубый. Вы, кстати, продемонстрировали блестящий пример, спровоцировав меня на комплимент вашему вкусу. Скромное чёрное платье, которое кричит громче любого вечернего туалета... Сдержанный макияж, лаконичная причёска. Браво.

Никки не могла не признать его достойный ответный ход, как и не смогла отказать себе в удовольствии колко поддеть малоизвестного оппонента:

— Осторожнее, мистер Дэй. Не влюбитесь в меня.

— Думаете, я так легко могу попасть под женские чары?
— Подхватил её настрой брюнет, довольно ухмыляясь. Кажется, его забавляла эта словесная дуэль.

— С ума свести не обещаю, — Никки повела бровью, отводя взгляд в сторону, — но глазик дёрнется, поверьте.

Дэй утробно рассмеялся и кивнул. Первое впечатление – неизгладимое, всегда запоминающееся. И стиль Хейз всегда был оружием против чужого высокомерия. Где другие подбирали слова, она бросала вызов. Где ожидалась вежливая улыбка, она позволяла себе язвительную ухмылку. Реакция на такую дерзость говорила о человеке больше, чем любое досье. Сейчас она не просто проверяла его границы – она обозначала свои. И, кажется, мужчина это оценил.

— Итак, вернёмся к нашим профайлерам², — Алан сделал

² Отсылка к фразе «Вернёмся к нашим баранам» из фарса «Адвокат Пьер Пат-

глоток шампанского, не скрывая улыбки. — Моя команда — первоклассные специалисты. И каждый — готовый кейс для вашего анализа. Слабые места, скрытые амбиции, потаённые страхи... всё это может стать угрозой. Я хочу знать об этом раньше, чем они сами это поймут.

Они стояли в полумраке у колонны, а в метре от них кипела жизнь богатейших людей города. Никки чувствовала на себе испытывающий взор. Она посмотрела на него в ответ, видя не просто красивого и богатого мужчину, а сложную, опасную систему, в которую ей предлагали войти.

— Прекрасная формулировка для тотальной слежки, — заметила шатенка. — А если я найду что-то, что не впишется в ваш безупречный образ? Не о вашей команде, а о вас?

Дэй поставил бокал, и его взгляд стал пристальным, почти физически ощутимым.

— Тогда вы докажете свою ценность. И мы оба будем в выигрыше. Но учтите: я плачу за анализ, а не за шантаж. В моём мире есть только чёрное и белое. Либо вы мой человек, либо...

— ...ваша проблема, — закончила за него Никки.

— Именно. — Зеленоглазый искуситель одобрительно кивнул.

«Месяц испытательного срока?.. Посмотрим, так ли вы щедры, мистер Дэй, как писали в офффере».

— Что ж... Считайте, вызов принят, — она поставила

свой бокал рядом с его.

Уголки его губ приподнялись в лёгкой, почти невидимой улыбке, что, вероятно, заставляла трепетать и акционеров, и женщин. Хейз закатила глаза и мысленно усмехнулась: *«Какая банальность»*.

— Вы всегда так смотрите на людей, которых нанимаете?
— Спросила она, приподнимая бровь. — Или только на тех, кто не падает ниц?

— Жуткий удар по самолюбию, — подхватил брюнет.

— Полагаю, иногда это бывает полезно.

— Сарказм – это способ самозащиты? Или вам неприятно внимание с моей стороны?

Никки изумлённо улыбнулась и опустила глаза:

— Пусть это останется загадкой.

— Предупреждаю, мисс Хейз, я обожаю сложные задачи. А вы, кажется, самая интересная из тех, что попадались мне в последние годы.

— Этот подкат на кого-то работает? — Она скептически выгнула бровь.

Дэй медленно выпрямился, его тень на мгновение полностью накрыла её.

— До завтра. — Подмигнул он ей. — Не опаздывайте.

Алан сделал паузу, будто оценивая эффект, затем мягко коснулся пальцами края своего пиджака в прощальном жесте и повернулся к ней спиной. Всего два шага – и его фигура начала растворяться в пёстрой толпе, как будто он был

соткан из того же дыма, что витал в воздухе.

Никки проводила его взглядом, всё ещё ощущая на себе жгучий след его внимания.

«Интересно, он всегда так заключает сделки – оставляя за собой шлейф дорогого парфюма и ощущение, что тебя только что купили на аукционе? Впрочем... в эту игру могут играть двое».

Глава 4

В 9:50 Никки стояла перед монолитным зданием из стекла и стали, известным как «Квилк-Сити». Стекланные фасады слепили отражённым светом, расплываясь в мареве, будто гигантская топка. В своём «доспехе» – чёрных джинсах с закреплённым на ремне складным ножом, тонком лонгсливе с закатанными рукавами и полукедах – она чувствовала себя увереннее, чем накануне в вечернем платье. Здесь ей предстояло сражаться на знакомом поле интеллекта и анализа.

В руках, по своему обыкновению, она сжимала большой стаканчик с латте из неприметной кофейни у метро. Картонная стенка приятно грела ладони, а пар тонкой струйкой вился над крышкой – единственное приятное ощущение в этом утреннем пекле. Вообще-то шатенка терпеть не могла обжигаться, тем более, когда ртутный столбик на уличном термометре поднимался к отметке «тридцать», но отказать себе в этой тихой слабости она не могла. Отпив глоток, девушка с удовлетворением отметила: вполне крепко, чтобы привести в чувство, и достаточно дёшево, чтобы не вызвать угрызений совести.

Внутри её встретила спасительная, почти холодная прохлада кондиционеров и миловидная блондинка-ресепшионист, чья лучезарная улыбка не мешала ей с поразительной скоростью управляться с тремя телефонами и ноутбуком.

Не глядя, она сунула Никки визитку-план здания и тут же уткнулась в экран, отвечая на очередной звонок.

«Привет и пока», — мысленно констатировала Никки и направилась к лифтам.

Её проводили в пустой кабинет с длинным переговорным столом и расставленными вокруг креслами, на пятидесятом этаже. На столе лежал одинокий планшет. Ровно в 10:00 экран включился, и лицо Алана появилось на нём в режиме видеосвязи. Он был в другом помещении, возможно, даже в другом городе.

— Пунктуальность – хороший тон, мисс Хейз, — его голос прозвучал чётко, без приветствия. — Ваше рабочее место – угловой кабинет, дальше по коридору. Все необходимые данные уже загружены в систему. Ваша первая задача – ознакомиться с досье на пятерых ключевых членов моей команды и составить первичный психологический портрет каждого. У вас есть 48 часов. Вопросы?

— Есть, — Никки осталась стоять. — Почему не лично? Это тоже часть испытания? Проверить, как я работаю без невербальных сигналов?

На его губе дрогнула тень улыбки.

— Отчасти. А отчасти я сегодня действительно в другом месте. Не все угрозы исходят из моего непосредственного окружения. Приступайте.

Связь прервалась.

Никки перешла в соседний кабинет – минималистичный,

безличный, но с двумя панорамными окнами во всю стену. Девушка невольно поморщилась, стараясь не смотреть вниз. От одной мысли о такой высоте подкашивались ноги и кружилась голова.

Сделав шаг вглубь помещения, она почувствовала, как сердце начинает колотиться чаще, а земля уплывает из-под ног. Инстинктивно схватившись за край массивного стола, к счастью, повёрнутого «спиной» к окну, она сделала несколько глубоких вдохов.

«Соберись, Хейз. Ты здесь не для того, чтобы любоваться видом», — прошипела она себе, чувствуя, как ладони становятся влажными.

Чтобы отвлечься, шатенка буквально набросилась на технику – планшет и миниатюрный ноутбук, стоявшие на столе. Пальцы её всё ещё дрожали, когда она провела по холодной поверхности металла.

«Работа. Нужно просто погрузиться в файлы», — мысленно приказала она себе, нажимая кнопку включения на ноутбуке. Экран загорелся, отбрасывая голубоватый свет на её напряжённое лицо.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы дыхание окончательно выровнялось, а предательская дрожь в коленях утихла. Только тогда она смогла по-настоящему сосредоточиться на содержимом экрана.

Следующие несколько часов пролетели незаметно. Мир за окном перестал существовать, растворившись в потоке

цифр, фактов и поведенческих паттернов.

Перед ней были **пятеро**. Работа профайлера начинается с поиска аномалии – несоответствия между образом и сутью. И здесь аномалий хватало.

Марк Сэндерс, финансовый «гений», если его так можно было назвать. Человек с зависимостью от азартных игр, которую он, как ему кажется, тщательно скрывает. Классический «компенсатор» – риском в игре покрывает страх перед риском в работе.

Виктория Лэнг, харизматичный лоббист, чья преданность Алану граничит с болезненной одержимостью, судя по её истории браузера: 73% запросов так или иначе связаны с его именем, биографией и упоминаниями в СМИ. «Привязанный» тип. Такие не предадут объект своей фиксации, но могут уничтожить любого, кого сочтут опасным.

Итан Голд, специалист по кибербезопасности, параноик и затворник, не доверяющий никому, включая себя. Стандартная история всех айтишников. Но его цифровая стерильность сама по себе противоестественна. Слишком чистый след говорит либо о гении, либо о том, что ему есть что скрывать.

Оливия Рей, мастер пиара, чья сеть полезных знакомств в компании отчасти была выстроена благодаря коротким, но интенсивным связям с перспективными сотрудниками. «Социальный альпинист». Её лояльность принадлежит не Дэю, а тому, кто выше по карьерной лестнице. Вопрос лишь в том,

кто сейчас на вершине.

И **Джейкоб Райт**, правая рука Алана, человек без видимых слабостей, что само по себе подозрительно. Идеальный профиль – это тоже уязвимость. К лику святых его пока причислять не стоило, но эта непорочность требовала отдельного расследования.

Метод Хейз напоминал сборку мозаики вслепую. Она делала заметки, выстраивала бихевиористический портрет каждого, находя связи и болевые точки. Выписывала на виртуальные карты не только факты из досье, но и неестественные феномены: безукоризненная биография Джейкоба, странная периодичность в крупных проигрышах Марка, совпадающая с отчётами о его командировках, неестественная красота электронного следа Итана – будто кто-то заранее подчищал за ним углы. Она искала нестыковки между официальной версией и цифровым отпечатком личности – поведенческим профилем. Именно в этих трещинах и пряталась правда.

К третьему часу дня желудок напомнил о себе глухим урчанием, а утренний кофе давно превратился в неприятное воспоминание на дне картонного стакана. Решив размяться и провести разведку, аудитор вышла в коридор, якобы в поисках кофе-машины.

Маршрут был неслучаен: он проходил мимо кабинетов её «подопечных». Дверь в офисе Оливии Рей была приоткрыта, и Никки на секунду замерла, уловив обрывок телефонного

разговора: «...да, он ничего не знает. Думает, что это его победа...». Дверь тут же захлопнули, но крохотный пазл встал на своё место.

«Интересно, о чьей победе шла речь?» — Мысленно отметила шатенка, направляясь дальше с видом человека, просто ищущего комнату отдыха.

Пройдя дальше по коридору, Никки замедлила шаг у переговорной со стеклянной стеной, в которую её проводили несколькими часами ранее. Внутри, как на сцене, работала Виктория Лэнг. Она вела видеоконференцию, и даже через звукоизолирующее стекло был виден её гипнотический артистизм.

Виктория не сидела – она владела пространством. Её жесты были плавными и уверенными, паузы – выверенными, а улыбка – оружие, которое она применяла, попадая точно в цель. Хейз наблюдала, как та меняла маски: вот она – почтительная ученица, внимательно склонившая голову перед седовласым мужчиной на экране; а через мгновение – уже готова парировать его возражение острым, но облачённым в лесть, контраргументом. Это был высший пилотаж лоббиста: не давить, а вести, создавая у оппонента иллюзию, что блестящая идея пришла в голову именно ему.

«Профессионал предельного класса», — холодно констатировала она про себя. — *«И тем опаснее её личная вовлечённость. Когда такие ресурсы подчиняются не логике, а эмоциям, последствия бывают взрывными».*

Остальные двери в коридоре были наглухо закрыты, а быстрая проверка внутрикорпоративного справочника показала, что Итан Голд и Марк Сэндерс сегодня работали с удалённых терминалов на нижнем этаже здания.

«Ладно, Хейз, хватит шататься. Тебя и так поставили в условия искусственного дефицита информации. Нечего тратить время на пустые прогулки», — отчитала себя она, возвращаясь в свой кабинет. Если Алан хотел проверить, как она действует в изоляции, что ж, он получит именно это.

Погрузившись в работу с новым прицелом, она лишь через пару часов отвлеклась на тихий стук в дверь. На пороге стоял один из её «исследуемых» — Джейкоб Райт. Высокий, темнокожий, с пронзительным взглядом и безупречными манерами.

— Мисс Хейз. — В его руке парили два стаканчика кофе, взятых навынос. Он поставил один на стол, а следом — и небольшой крафтовый пакетик, от которого пахло свежей выпечкой. — Джейкоб Райт. Вижу, вы с головой погрузились в процесс. Не пора ли сделать перерыв? — Мужчина окинул её оценивающим взглядом. — Вы так... молоды. Признаться, фотографии в деле не передают всей картины.

— Картина обычно складывается из деталей, мистер Райт, — парировала Никки, не двигаясь с места. — А возраст — плохой показатель компетенции, как и дорогой костюм — не показатель лояльности.

Мужчина замер на секунду, и в его глазах вспыхнул

неподдельный, острый интерес, смешанный с угрозой.

— Алан ценит остроу. Надеюсь, ваше чутьё не подведёт. — Он мягко положил визитку на край стола. — На случай, если появятся вопросы, настоятельно рекомендую обращаться сначала ко мне. Сбережёте и своё, и наше время.

— Весьма учтиво с вашей стороны. — Никки кивнула в сторону пакетика. — Разве стоит таких затрат простой аудитор?

— Я был одним из тех, кто поддержал вашу кандидатуру, мисс Хейз. Мне ни к чему лишаться перспективного кадра только потому, что он предпочитает работу обеду. Алан создаёт загадки, но это не значит, что все вокруг – враги.

Его улыбка была выверенной, глаза – тёмными и невозмутимыми. Гость вышел так же бесшумно, как и появился.

Никки медленно открыла пакет: внутри лежали упакованный сэндвич и бутылка воды.

«Проверка на доверчивость. Или тонкий ход, чтобы вызвать симпатию», — мгновенно проанализировала она. В любом случае, еду девушка съела с благодарностью.

Взяв телефон, она отправила короткое сообщение Алану, не ожидая ответа.

Никки: «Джейкоб Райт только что нанес визит вежливости. Предложил стать моим гидом по вашим внутренним делам. Как быстро вы хотите получить мои первые выводы?».

Ответ пришёл почти мгновенно.

Дэй: «Я нанимал вас за ваше видение, а не за скорость. Не

позволяйте спешке ослепить вас. И, мисс Хейз... ни одному гиду в этой головоломке доверять нельзя. Даже мне».

Никки отложила телефон. Он снова проверял её. Но на этот раз ей понравилось. Игра была асимметричной, опасной и абсолютно честной.

Её взгляд упал на визитку Джейкоба. Шатенка медленно провела пальцем по глянцевой поверхности, а затем положила её в самый дальний ящик стола. *«Не сейчас»*. Сначала – независимый анализ. Потом – проверка через призму того, что они хотят ей показать.

Хейз снова погрузилась в файлы, но теперь её восприятие изменилось. Она искала не только слабости, но и намёки на связи, скрытые альянсы. Как мимолётные романы Оливии Рей, мастера пиара, могли быть не просто риском, а способом вербовать информаторов? Как паранойя Итана Голда могла быть прикрытием для создания собственных «чёрных ходов» в системе безопасности Дэя?

К полуночи глаза Никки воспалились от мерцания монитора, а в висках отдавалась тупая боль. Она чувствовала себя так, будто час дралась на ринге – всё тело ныло от напряжения. Профайлинг – это не просто анализ данных; это психическое погружение в чужие жизни, и каждый такой сеанс высасывал из неё частичку энергии. Она потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки. *«Пора закругляться, а то начну видеть заговоры в узорах на потолке»*.

Внезапно её компьютер издал тихий, но настойчивый сиг-

нал. На экране появилось системное предупреждение: **«Обнаружена попытка несанкционированного доступа к рабочему пространству. Уровень угрозы: низкий. Источник: внутренняя сеть».**

Сердце заколотилось, но разум оставался ледяным. *«Уровень угрозы: низкий. Значит, не взлом, а зондирование. Аккуратный тычок палкой, чтобы посмотреть, зашевелится ли объект в паутине».*

Звонить по этому поводу в службу безопасности было глупо и безрассудно. В конце концов, она работала здесь без году неделю, и это могла быть стандартная практика проверки виртуального узла. Аудитор сохранила логи инцидента в зашифрованный файл, решив не предпринимать ничего до следующего дня.

Час спустя, когда она уже окончательно собралась уходить, в кабинет вошла Виктория. Статная блондинка, с идеальной улыбкой, пахнувшая дорогим, холодным цветочным парфюмом.

— Вы всё ещё здесь... — Её голос был сладким, но в глазах читалась сталь. — Такой энтузиазм восхищает. Но не стоит перерабатывать в первый же день. Люди могут подумать, что вы что-то доказываете.

— Или что мне действительно интересна моя работа, — парировала Никки, не отрываясь от экрана. — В отличие от некоторых, кто предпочитает тратить время на бесцельные визиты вежливости во втором часу ночи.

Улыбка Виктории не дрогнула, но в воздухе повисло напряжение.

— Алан ценит преданность, — мягко сказала она. — Но он ненавидит подхалимство. Удачи, мисс Хейз. Вам она понадобится.

Дверь закрылась и Никки медленно выдохнула. Она была здесь всего один день, а уже успела получить предупреждение от правой руки босса и скрытую угрозу от главного лоббиста.

Перед уходом было отправлено ещё одно сообщение, короткое и простое:

Никки: «Система зафиксировала попытку несанкционированного доступа с внутреннего IP в 23:17. Оставила всё как есть. Спокойной ночи».

Она не ждала ответа, но он пришёл, когда девушка уже стояла у лифта, прикрыв глаза и проклиная панорамное окно рядом.

Дэй: «Спокойной ночи, Хейз».

В этих двух словах не было ни проверки, ни оценки. Лишь лёгкое, но отчётливое признание. Никки показалось, что она прошла его первый, неофициальный тест: не поддалась на провокацию Джейкоба, не вступила в открытый конфликт с Викторией, не запаниковала при кибератаке и не побежала жаловаться.

«Первый раунд окончен. Ничья», — с почти незаметной улыбкой подумала Никки. Она сыграла по его правилам. И

он это оценил.

Выйдя на улицу, шатенка вдохнула тёплый ночной воздух. Истощённая, она впервые за долгое время чувствовала себя живой.

От многочисленных раздумий её отвлекло оповещение о сообщении на почте. Девушка открыла письмо, в котором отсутствовала тема, а в его «теле» был лишь вопросительный знак. Она знала этот почерк. Гаррет напоминал о себе. Борясь с внутренним любопытством, Никки одним движением пальца смахнула весточку и выключила устройство, отсекая назойливый голос прошлого.

Сев в такси, Хейз прислонилась лбом к холодному стеклу. Впереди был долгий путь домой, а в голове – рой мыслей, подозрений и начинающих вырисовываться портретов пяти сотрудников, каждый из которых хранил свой секрет, а один, возможно, был готов на предательство.

Кейт давно спала у себя в комнате, и, судя по мужским ботинкам в прихожей, сон её охранял верный пёс – Ник. Шатенка сняла свои кеды, надела мягкие тапочки, в которых ноги наконец расслабились, и тихо поплелась к себе, на второй этаж. Единственное, о чём она сейчас мечтала – открыть окно настежь и рухнуть лицом в подушку.

Глава 5

Сон не принёс желанного забвения. Осколки вчерашнего дня – испытующий взгляд Джейкоба, ядовитая учтивость Виктории и безмолвный вопросительный знак от Гаррета – складывались в беспокойный, обрывистый кошмар. Просыпалась Никки несколько раз за ночь – простынь прилипала к коже, а от питьевой воды в стакане будто исходил пар. Трель будильника подняла шатенку с тяжёлой головой и одним чётким осознанием: её старый мир окончательно рухнул. Обратного пути не было.

Утро подлежало ритуалу: следовало принять душ, усмирить непослушные волосы, выпить чашку ароматного кофе с молоком и «работать работу». Никки расстроено отметила про себя, стоя под тёплыми струями воды, не приносящими облегчения, что «едва прохладными» теперь были только кубики льда в холодильнике.

На кухне у сестёр, к величайшему сожалению младшей, не оказалось ни зёрен кофе, ни каких-либо кисломолочных продуктов. Холодильник выглядел пугающе пустым: для полного сходства с театральной декорацией ему не хватало лишь знаменитой дохлой мыши на верхней полке.

В квартире было непривычно безлюдно. Ник, судя по недоеденному кексу, улетел на какое-то важное «партийное» задание от брата, а Кейт ушла по своим делам, оставив гору

немытой посуды.

«*Ну уж нет*», — пронеслось в голове у шатенки.

Старшая часто так делала раньше: оставляла после себя неприбранную ванную, полуфабрикаты на столе, которые можно было убрать в холодильник, не выключала телевизор или не закрывала шторы на ночь — ей, видимо, мерещилось, что все вокруг мечтают прибратся за её Величеством.

У Никки на этот счёт теперь было железное правило: «ни за что и никогда». Детство, когда ей приходилось подчиняться чужим правилам и молча убирать за другими, кончилось. Теперь каждый отвечал за свой бардак.

Презрительно фыркнув на творческий беспорядок сестры, Никки втокнула ноги в шнурованные летние ботильоны на высоком каблуке и выскочила за дверь, на ходу проверяя время. Спускаясь по лестнице с 4-го этажа, она набрала лаконичное СМС, которое гласило: «КОФЕ».

По пути в «Консалтинг Дэй» девушка забежала за бодрящим напитком в ту же кофейню, что и накануне. Первый глоток латте разлился по телу приятной теплотой, прогоняя остатки сна. Вопреки духоте, этот обжигающий вкус принёс странное утешение — знакомый обряд в мире, где всё пошло наперекосяк. «*То, что нужно*». Теперь можно было и стране угля дать.

Сойдя с крыльца крохотного здания, Хейз почувствовала, как к подошве прилип какой-то мокрый листок. Брезгливо отлепив его, она разглядела листовку: «Пропал человек. По-

могите найти», – и контактные данные. Безжизненная улыбка незнакомца с фотографии на мгновение заставила её задуматься: *«Пропади я, стал ли бы кто-нибудь меня искать?»*.

Горькая ирония ответа заставила её поджать губы. Нет. Никто. Но в этой одинокой ясности была своя, извращённая свобода. Взгляд снова упёрся в циферблат. Никки смяла листок и отправила его в пасть ближайшей урны. В её мире не было места чужим трагедиям – своих хватало с избытком.

У профайлера оставались сутки на решение дилеммы: кто из пятерых является потенциальной угрозой? Будь она менее проницательна, то выбрала бы кого-то одного, но внутренний голос нашёптывал: под подозрением каждый. Даже Алан, предупредивший не доверять и ему, был лишь главной шестерёнкой в сложном механизме. Стоило ему допустить малейший просчёт, упустить из виду чью-то тёмную авантюру – и вся его империя могла рухнуть, увлекая за собой в небытие и его безупречную репутацию.

Никки уселась за свой стол, с наслаждением ощутив поток прохладного воздуха из кондиционера, покоившегося на стене сбоку. Принципиально игнорируя головокружительную пропасть за спиной, она разложила на планшете виртуальные досье всех участников «игры», а на ноутбуке всё-таки решилась проверить вчерашнее вторжение. *«Зачем ждать, пока следствие зайдёт в тупик?»*, — мысленно усмехнувшись собственной паранойе, она отправила запрос Итану Голду, специалисту по кибербезопасности на доступ к архивам се-

тевой активности за последний месяц. Формальность, которая не должна была вызвать вопросов.

Ответ пришёл через два часа, но не по почте. Дверь в её кабинет приоткрылась, и на пороге возникла худая, высокая фигура в мятом худи.

— Вам не нужны архивные логи, — произнёс Итан, не представляясь. Его голос был глухим, будто он давно разучился говорить громко. — Нужны точки входа.

Он бросил на стол миниатюрную флешку, похожую на кристалл льда.

— Там список IP-шников, которые подменяли себя через наш прокси-сервер в последние 72 часа. Включая тот, с которого вчера лезли к вам. — Он повернулся к выходу, но задержался на секунду. — И не стоит светиться там, где лучше оставаться в тени.

Дверь закрылась.

Никки взяла накопитель и вставила в защищённый компьютер. Первый IP в списке принадлежал внутренней сети. Тот самый, что пытался получить доступ к её рабочему пространству. Он вёл не к серверам, а к личному кабинету Виктории Лэнг. Хейз медленно откинулась на спинку кресла.

«Слишком просто. Слишком чисто», — отчеканил внутренний голос. Мозг аудитора, настроенный на поиск сложных систем, отказывался верить в столь примитивную развязку. Профайлер знает: истинный предатель не оставляет следов, которые ведут прямо к его двери. Итан предоставил

улики против Виктории. Однако, был ли он союзником?

Никки отправила Алану короткое, но ёмкое сообщение: «Получила первую улику. Слишком очевидную, чтобы быть правдой. Это тест на профпригодность?».

Дэй: «Всё, что вы получаете здесь – это данные. Интерпретация – ваша работа».

Уголки губ Никки дрогнули в подобии улыбки. Он не дал ей ответов, а бросал верёвку, проверяя, выберется ли она из колодца или повесится на ней. Игра продолжалась. И теперь она знала, что движется в правильном направлении – не к самому прозрачному ответу, а к тому, кто манипулирует очевидностью.

Работа продолжилась. К полудню Хейз закончила первые наброски портретов.

Марк Сэндерс. Его финансовая история была образцовой, если не считать одного тревожного звена – нескольких крупных, регулярных и загадочно закрытых кредитов, не соответствовавших его официальным доходам и образу жизни.

Оливия Рей. Паттерн поведения пиарщицы подтверждался: в её календаре деловые ужины с коллегами-мужчинами из других отделов с завидной регулярностью сменялись отметками «личное время» или «посещение СПА». Для Оливии это была удобная и повторяющаяся схема, стиравшая грань между личным и профессиональным.

Виктория Лэнг. Преданность Алану проявлялась в мелочах, которые были куда красноречивее поисковой исто-

рии. В общем рабочем чате она всегда первой ставила лайк под его сообщениями, её комментарии к его решениям были выдержаны в подобострастно-восторженном тоне, а любые вопросы, заданные ему другими, она предвосхищала или тут же брала на себя, ограждая его от «лишней» работы. Это была не лояльность, а тотальная опека.

«Что же с тобой делать?». Постучав кончиками ногтей по столу, Хейз мысленно перенесла дело Лэнг в папку «проверить дополнительно».

Размяв затёкшую шею, Никки встала и потянулась: тело предательски ныло, не успев восстановиться за несколько часов тревожного сна. С горечью выдохнув, девушка задумалась: *«Если все здесь только и ждут, чтобы тебя подставить, – игра стоит свеч?»*.

Паутина интриг, двусмысленные намёки – всё это напоминало опасную детскую забаву. Никки была прагматиком и циником, и уже много лет старалась не связываться со столь сомнительными личностями. Этого добра ей хватило с лихвой за тот кошмарный период в Квилке, что остался позади.

С грохотом плюхнувшись в кресло, она посмотрела на свой телефон. На нём замигал огонек: новое уведомление.

«Самое время», — закатила глаза шатенка.

Уже с известного номера по СМС, а не по почте, пришло сообщение: «?».

Никки: «Время?».

Хейз не ждала ответа сразу, Гаррет обязан был выдержать

Мхатовскую паузу, чтобы пощекотать нервишки собеседника. Минут через десять ответ, всё-таки, пришёл.

Г.: «20:00».

Место было определено задолго до этого дня. Некоторые вещи не меняются. В этом был весь Гаррет: что бы ни происходило в мире, сколько бы лет и зим ни прошло – он являлся константой в мире переменных. Это знание, на удивление, дарило Никки чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Отбросив второстепенные мысли, она снова погрузилась в работу. Следовало разложить по полочкам всю информацию, почерпнутую из досье, внутренней сети и всемогущего Интернета.

Если с первыми тремя всё было более или менее ясно, то с оставшимися персонажами у Никки картина ещё складывалась.

Непогрешимость **Джейкоба Райта** начинала вызывать отторжение. Все его действия в системе были логичны, выверены и предсказуемы. Он был образцовым солдатом, не оставляющим следов. Чересчур идеальным. Тем не менее, вряд ли бы ближайший человек Алана не был им тотально проверен. Соваться в эти секреты без веского повода было бы верхом непрофессионализма.

Итан Голд. Его цифровой след был полной противоположностью – хаотичным, подробным, параноидальным. Он протоколировал всё, включая свои собственные действия,

будто оставлял записки для самого себя в будущем или для того, кто сможет его расшифровать. Этот человек горел своим делом. Таких специалистов во всём мире – единицы. На безопасности Дэй вряд ли стал бы экономить.

Никки провела остаток дня, пытаясь найти брешь – финансовую, цифровую, любую. Но досье были, в общем и целом, чисты. Единственная пикантная составляющая, которую удалось выудить из сетевой активности, – это то, что Алан периодически навещается по вечерам в тот же отель, что и Оливия.

Сэндерс – «заложник ситуации» – был риском, но пассивным. Его долги росли, но слива информации пока не было – инфраструктура консалтинга была слишком герметична. **Рей** была небезопасным игроком из-за своей близости к Дэю. «Привязанный» тип в критической фазе. Её связи могли стать каналом для утечки, но не по злему умыслу, а из-за неосторожности или шантажа. **Лэнг** была бомбой замедленного действия из-за своей одержимости. Она не предавала Алана, но её «забота» могла в любой момент перерасти в неадекватные действия против любого, кого она посчитает опасным для него.

«Например, Оливию», — мелькнула мысль у шатенки.

Итан был единственным, кто казался по-настоящему лояльным, потому что его паранойя была направлена на защиту системы, а не на подкоп под неё. Тем не менее, его цифровую стерильность следовало держать в уме.

В конце концов, её задачей не было найти предателя с помощью стандартного аудита. Её задача – как профайлера – предсказать, кто из них сломается первым под давлением обстоятельств, и не дать этому случиться.

Следующий шаг был неизбежным, но вполне обоснованным. Она действовала быстро и точно, словно хирург на операции. Тонкие пальцы с нюдовым маникюром затрепетали над клавиатурой, формируя лаконичное изложение для Дэя:

«Прямых улик о преднамеренной утечке нет. Выявлены ключевые зоны операционного риска: 1. Сэндерс (финансовое давление).

2. Рей (уязвимость канала связи).

3. Лэнг (непредсказуемость мотивации).

Рекомендую профилактические меры. Полный отчёт по запросу. Хейз»

Не дожидаясь ответа и не теряя темпа, Никки поднялась со своего места и проследовала в кабинет Райта, ориентируясь по табличкам в здании.

У Джейкоба был собственный секретарь, чему она, конечно же, совсем не удивилась. Игнорируя попытки остановить её, профайлер юркнула в приоткрытую дверь без стука.

Темнокожий работал за компьютером. Увидев её, он даже не оторвался от экрана.

— У вас есть три минуты. Говорите.

— Марк Сэндерс должен крупную сумму не тем людям. Через месяц у него будет выбор – либо банкротство, либо продажа информации. Виктория Лэнг проявила территориальную реакцию: вчера она запрашивала доступ к служебным записям без моего ведома. Похоже, я попала в её личный стоп-лист.

Джейкоб медленно поднял на неё взгляд. Дольше, чем нужно для простого отрицания. Она не могла понять – оценивает он её или ищет слабое место в приведённой аргументации.

— Это всё? — В его голосе прозвучало лёгкое разочарование. — А Оливия Рей? У вас нет по ней никаких наблюдений?

Никки сделала вид, что не заметила подвоха и сохранила невозмутимое выражение лица.

— На данном этапе – ничего, что требовало бы вашего вмешательства. По моим расчётам, Марк сломается первым. Через две-три недели. Виктория начнёт действовать, если почувствует реальную угрозу своему положению рядом с Аланом.

Темнокожий отодвинул клавиатуру, изучая девушку.

— Любопытно. Алан будет разочарован таким скучным докладом.

— Моя задача – предоставлять факты, а не развлекать

персонал, — парировала она.

Джейкоб кивнул, оставаясь невозмутимым:

— Ваши предложения?

— Для Марка – легальный выход из долгов под нашим наблюдением. Для Виктории – чёткие границы и задача, которая направит её энергию в конструктивное русло.

— А если это меня не устроит?

— Тогда следующий отчёт о развитии этих ситуаций получит мистер Дэй. С полным анализом и оценкой вашего бездействия.

Он замер, и в его идеальной маске на мгновение мелькнула тень уважения к такой наглости.

«Просчитывает варианты».

Поднявшись, мужчина подошёл к окну, чем вызвал у собеседницы неуволнимый признак тошноты.

— Вы либо очень талантливы, либо безрассудны.

— В наших обстоятельствах это одно и то же, — ответила она, тоже поднимаясь и сразу разворачиваясь к двери. — Похоже, что моё время вышло. Всего доброго.

Выйдя из кабинета, Никки гордо прошла мимо секретаря, и уже в общем пустом коридоре, почувствовала, как дрожат руки. Телефон завибрировал.

Дэй: «18:00. Центральный парк».

«Какое «неожиданное» совпадение», — Хейз с усмешкой покосилась в сторону кабинета своего нового «непосредственного» начальника.

Взглянув на время, она ускорила шаг.

Глава 6

Воздух у набережной был густым и сладким от запаха нагретой за день листвы. Предвечернее солнце, всё ещё жаркое, припекало спины редким прохожим. Ветер гнал по дорожкам жёлтые листовки с информационных стендов. Мелкая пыль дорог поднималась рябью на серебристой воде. Никки, чувствуя, как тонкая ткань липнет к спине, не без раздражения поправила лямку рюкзака и огляделась: вдалеке показался босс. Он стоял у парапета, небрежно опёршись на него, и смотрел на реку. Тёмная рубашка с закатанными рукавами и расстёгнутыми верхними пуговицами, прямые брюки и матовые туфли, кричащие о его достатке – он казался иконой стиля в этом знойном летнем пейзаже.

Хейз подошла и встала рядом, не говоря ни слова. Несколько минут они молча смотрели на воду. Тишину между ними нарушал лишь шелест листвы и откровенный шёпот его татуировок. Сейчас, когда ничто не скрывало его предплечья, девушка видела обещанную масштабность во всей полноте: сложный, мрачный гобелен, где переплетались линии, похожие на церковные витражи, с грубыми, почти тюремными шипами. Религиозная символика, изувеченная и переосмысленная в чём-то личном и мстительном. Этот контраст с образом безупречного джентльмена у ручья был настолько оголённым, что становился почти интимным.

«Так вот ты какой под всеми этими слоями шерсти и шёлка», — промелькнуло у неё в голове.

— Ну что, Хейз, — наконец произнёс Алан, не поворачивая головы. — Убедила ли ты себя, что игра стоит свеч?

— Я убедилась, что у вас... — Никки подметила его обращение и тут же поправилась, — ...тебяпроблема не с одним сотрудником. Марк — это вопрос времени. Виктория — вопрос траектории. Её энергия направлена на клиентов, но малейший толчок — и она полетит в непредсказуемом направлении.

— Джейкоб сообщил, что ты исключила Оливию из списка угроз, — Алан намеренно сделал паузу, изучая её реакцию боковым зрением. Его ничуть не смутил её ответный переход на «ты».

Никки не дрогнула, но с удовлетворением отметила: *«Итак, Джейкоб полностью подотчётен Дэю. А Алан, получив его версию, не спешит с выводами. Уважаю»*. Эксперимент с докладом дал чёткие результаты.

— Я исключила её из сводки для Райта. Это не одно и то же.

Теперь он повернулся к ней. В его глазах вспыхнул неподдельный интерес:

— Объяснись.

— Оливия — это твой личный операционный риск, мистерДэй. — Никки акцентировала своё обращение, ехидно ухмыляясь и разворачиваясь к брюнету. — Она не предаст

тебя умышленно. Но она слабое звено. — Карий взгляд стал серьезнее. — Ты спишь с сотрудницей. Это создает уязвимость, которой могут воспользоваться. Её могут шантажировать. Она сама, в порыве эмоций, может сказать лишнее. И, что более вероятно, Виктория, узнав об этом, может попытаться устранить её как угрозу, нанеся ущерб и ей, и репутации компании.

Хейз говорила спокойно, без упрёка, констатируя факты. Алан слушал, не перебивая, его лицо было спокойным, словно всё это он уже слышал тысячу раз.

— Ты считаешь, я не способен отделить личное от профессионального? — Спросил он, когда она закончила.

— Я считаю, что ты — самый ценный актив компании. И твоя личная жизнь не должна становиться её ахиллесовой пятой. Я не предлагаю прекратить эти отношения. Но следует формализовать их в рабочем процессе. Перевести Рей на проект, где у неё не будет доступа к информации, которая может быть использована против вас обоих. И, что важнее, — оградить её от внимания Лэнг.

Алан медленно кивнул, его взгляд снова устремился к водной глади.

— Джейкоб считает, что ты переоцениваешь намерения со стороны Виктории.

— *Джейкобо*шибается. — Отмахнулась Никки. — Он привык управлять предсказуемыми опасностями. А ревность — одна из самых непредсказуемых сил. И она уже про-

явила себя – несанкционированный доступ к моим файлам. Это был не просто тест. Это была попытка оценить нового игрока на её поле.

Дэй снова повернулся к ней, и в его изумрудных омутх быстро прочиталось принятое решение.

— Хорошо. Предоставь мне план по Сэндерсу к концу недели. Что касается Оливии... — Алан на секунду замолчал, — ...я позабочусь об этом сам.

— Есть ещё один момент, — Хейз на мгновение умолкла, привлекая внимание. — Голд. Он предоставил мне улики против твоей любопытной лоббистки. Слишком очевидные. Подозреваю, он проверял не только мою, но и её, и, возможно... твою реакцию.

Уголки губ Алана дрогнули в подобии улыбки.

— Итан играет в свои игры. Можешь присматривать за ним. Но не мешай. Его паранойя не раз спасала нам репутацию... — Мужчина немного помолчал, окидывая искоса взглядом шатенку. Он говорил вкрадчиво, никуда не спеша. — Я оценил твою способность видеть комплексные проблемы, а не искать козлов отпущения. И с завтрашнего дня мог бы выдать тебе статус постоянного сотрудника...

— Я сказала, что согласна на *испытательный* срок, а не на постоянную работу. — Отрезала она. — «Испытательный» означает, что ты меня испытываешь, а я принимаю решение, хочу ли продолжать в подобном духе.

Лицо Алана озарила улыбка.

— Прямолинейность. Редкий бриллиант в мире притворства... Хорошо. Давай определим правила твоего «испытания». — Он сделал лёгкую, почти неприметную паузу и шагнул чуть ближе, сунув руки в карманы брюк. — Как, по-твоему, я должен *тебяиспытывать*? — Голос его на последних словах слегка опустился, наполнив фразу двусмысленным оттенком.

Никки, не моргнув глазом, выдержала его взгляд, надеясь, что испарина на лице от невыносимой уличной духоты не будет интерпретирована им неправильно.

— Предлагаю начать с профессиональных задач. Они, как правило, дают более объективные результаты, — ухмыльнулась она, стирая проступившие солёные капельки со лба.

Девушка сохранила невозмутимость, хотя внутри всё сжалось от внезапного напряжения. Алан тихо рассмеялся, и в этом смехе, по её скромному мнению, было больше одобрения, чем насмешки.

— Что ж, Хейз, твоя апробация официально приобретает... более интересные очертания. С завтрашнего дня ты получишь доступ к рабочему проекту по благотворительному фонду. Увидим, оправдаешь ли ты мои ожидания. И свои собственные амбиции.

Алан ещё на какое-то время задержался на ней, ожидая колкого ответа или обозначения личных границ, но Никки отчего-то молчала, не то в попытке подобрать слова, не то в надежде, что они не найдутся. Расстояние между ними слов-

но наэлектризовалось и стало ощущаться почти физически — осадком в лёгких.

Мужчина хотел было подвести итог встречи, попрощаться и уйти, но разорвал зрительный контакт и оглядел парк, не двигаясь с места. Вокруг сновали туда-сюда счастливые подростки и семейные пары. Лето было в самом разгаре, и жара не думала отступать, несмотря на приближающийся вечер.

— Не хочешь прогуляться? — Неожиданно предложил Алан, нарушая негласные правила их общения.

Вопрос повис в воздухе. Никки почувствовала, как учащается пульс. Это было уже не проверкой границ, а прямым их пересечением. Он предлагал ей выйти за рамки «профессиональных задач».

— Прогулка — это тоже часть испытания? — Уточнила она, стараясь, чтобы голос не выдал внутренней борьбы.

— Всё, что происходит между нами, теперь является частью оного, — мужчина произнёс это легко, но в его взгляде читалась неподдельная серьёзность. — Если, конечно, ты не боишься смешать личное с профессиональным.

Шатенка на мгновение опешила от такой открытой дерзости. Было видно, что босса забавляет её замешательство. Отказ сейчас означал бы слабость.

— Тридцать минут, — решила девушка, сходя с тропинки на тенистую аллею, уходящую вглубь парка. — У меня другие планы.

В два шага преодолев расстояние между ними, Алан про-

должил идти рядом со своей спутницей.

— Значит, «благотворительный фонд», — нарушила молчание Никки, возвращая разговор в безопасное русло. — Это что? Очередная компания для поглощения?

— Хейз, я решил пройтись по парку летним вечером в компании очаровательной девушки не для того, чтобы говорить о работе.

Она усмехнулась, и невольная искренняя улыбка наконец коснулась алых губ. Её плечи расслабились. В этом повороте было что-то до боли знакомое — та же лёгкость, с какой его брат, Ник, отмахивался от серьёзных разговоров, та же способность растворять напряжение одной шуткой. Сейчас перед ней стоял не начальник, а человек, поймавший на себе её растерянность и явно получавший от этого удовольствие.

— Ладно, — Никки качнула головой. — Тогда скажи, о чём, по-твоему, стоит говорить на прогулке с «очаровательной девушкой»? О погоде? Или, может, ты собираешься рассказать, каким сорванцом был в детстве? Уверена, Ник припас пару унижительных историй.

Алан притворно ахнул, прижимая руку к груди.

— Предатель. И чем же я заслужил такую жестокость? Я-то думал, мы просто наслаждаемся променадом.

— Наслаждаемся? — Она подняла бровь. — Тот, кто действительно наслаждается чужим обществом, не смотрит на собеседника как на сложную головоломку. Ты всё ещё изучаешь меня, Дэй. Ставлю сто против одного, что ты уже сде-

лал три вывода о моей прошлой жизни, исходя из того, как я держу этот рюкзак.

— Всего три? — Он покачал головой с видом оскорблённого профессионала. — Хейз, ты меня недооцениваешь. Я насчитал как минимум пять.

Никки озорно засмеялась:

— Удивите меня, *мистер Дэй!*

Алан приблизился, не сбивая шага, и стал пристально вглядываться в фигуру, семенящую рядом. Он начал неторопливо, проговаривая слова с видом небрежного философа.

— **Вывод первый:** ты годами не расставалась с ним. — Он указал на потёртости в местах крепления лямок. — Носила что-то тяжёлое и, скорее всего, ценное. **Второй:** не доверяешь миру достаточно, чтобы расслабиться.

Его взгляд скользнул по тому, как она инстинктивно придерживала сумку.

— **Третий:** до сих пор делишь пространство на "своё" и "чужое". И рюкзак на твоём плече между нами – не просто вещь, а пограничный столб. **Четвертый:** ты привыкла к лишениям. Носила его перегруженным, игнорируя дискомфорт. И самый главный вывод, **пятый,** — его голос стал тише, он остановился, вынуждая последовать его примеру и девушку. — Ты не сбежала от своего прошлого. Ты его взяла с собой. Этот рюкзак – твой Ноев ковчег. И сейчас ты решаешь, пускать ли меня на борт.

Хейз стояла несколько секунд, не в силах пошевелиться. Он не просто угадал – он увидел. Разобрал её по деталям, как сложный механизм, и собрал обратно, оставив чувство голой, неприкрытой правды. Она также обратила внимание, что по ходу повествования, брюнет зацепился взглядом за складной нож, закреплённый на её бедре справа, но тактично промолчал.

— Всё ещё ждёшь, что я удивлюсь? — Никки машинально скрестила руки на груди, скептически изогнув бровь, но этот жест теперь казался слабой попыткой восстановить рухнувшую дистанцию.

Алан театрально закатил глаза, вероятно, подыгрывая:

— Ну признай, что для первого дня – вполне неплохо?

— Признаю, — она расслабила плечи, и это движение было уже не позой, а искренней капитуляцией перед его пронизательностью. — Для человека, который обычно покупает лояльность, а не зарабатывает её... действительно неплохо.

— Ой, — он притворно ахнул. — Кажется, это комплимент. Я записываю?

— Записывай, — она повела плечом и двинулась вперёд, — повторяться не буду.

Дэй догнал её, и теперь в его глазах плясали весёлые чертики.

— Значит, мне придётся придумывать новые способы удивлять тебя, Никки.

— Удачи. Но предупреждаю: я всё ещё считаю это испы-

тательным сроком.

— Это как раз то, что я хотел услышать, — улыбка его в этот раз была лишена какой-либо насмешки.

Они говорили о пустяках — о том, как изменился город за последние годы, о причудливых типажах в парке, которые оба невольно сканировали. Она заметила, как он, «не глядя», определил семейную пару, идущую впереди: *«Супруга принимает решения, но мужу кажется, что это он»*. Профайлер не удержалась от смеха — слишком точное попадание. В ответ Никки ткнула пальцем в мужчину на лавочке, который явно ждал не ту, с кем пришёл. Алан оценил.

Так, в лёгкой игре наблюдений и непрофессиональных баталий, время пролетело незаметно.

Выйдя на людную площадь, Хейз с досадой отметила: до встречи с Гарретом оставалось меньше получаса. Она уже доставала телефон, чтобы вызвать такси, но Алан опередил её.

— Позволь компенсировать задержку, — он плавным жестом подозвал чёрный Mercedes S-класса, подъехавший к тротуару. И, открыв заднюю дверь, добавил, — возмещение ущерба за психологический допрос.

Никки оценивающе скользнула взглядом по автомобилю, затем по нему самому.

— А твой личный водитель в курсе, что ты используешь его для извинений перед сотрудниками?

— Уверен, он уже привык к моим странностям, — пари-

ровал Алан. — К тому же, после сегодняшнего разговора ты заслужила повышенный уровень сервиса.

Она колебалась всего секунду прежде, чем решительно шагнула в салон. Дэй закрыл за ней дверь и обошёл машину, чтобы сесть с другой стороны.

— Адрес? — Спросил он.

— Площадь Независимости, — коротко бросила девушка, глядя в окно. — Бар «У кота».

— Любопытный выбор, — заметил Алан. — Деловая встреча?

— Нечто вроде того, — уклончиво ответила она, чувствуя, как напрягается при мысли о предстоящем разговоре с Гарретом.

Лоббист бросил на неё быстрый взгляд, не пропустив эту перемену, но ничего не сказал. Машина бесшумно понеслась по вечерним улицам, оставляя за собой огни парка и лёгкое ощущение незавершённости между ними.

— Как вас зовут? — Уточнила Никки у водителя.

Тот бросил многозначительный взгляд на зеленоглазого через зеркало заднего вида, улыбаясь одним уголком губ.

— Джерри, мисс.

— Зовите меня Никки. — Непринуждённо бросила она.

Шофёр включил лёгкий джаз, добавляя вечеру приятной атмосферы. Когда машина уже подъезжала к назначенному месту, брюнет спросил, не в силах отказать себе в небольшой слабости, выраженной простым человеческим любо-

ПЫТСТВОМ:

— Не мог не заметить, что твои каблуки немного стёрты на пятке. Почему в Квилке едешь без машины?

Автомобиль плавно остановился у тротуара, Хейз загадочно ухмыльнулась:

— Секрет фирмы.

Прежде чем выйти, девушка на мгновение задержала взгляд на Алане. В полумраке салона его глаза казались ещё глубже, а едва уловимая улыбка обещала продолжение этой игры.

— Спасибо, что подвезли... *Джерри*. — Шатенка намеренно подмигнула боссу, оставляя его без благодарности и выходя на плавающий асфальт, в зыбкое марево городского зноя.

Дверца закрылась, отсекая её от мира кондиционированного воздуха и джазовых мелодий. Через тонированное стекло она увидела, как Алан что-то говорит водителю, и тот, смеясь, качает головой. Машина плавно тронулась с места, растворяясь в вечернем потоке машин.

Никки повернулась ко входу в питейное заведение, где её ждала встреча с призраком прошлого. Но теперь, с лёгким послекусием странной прогулки, она чувствовала себя готовой к битве.

Глава 7

Ирландский паб «У кота» оказался точной копией её воспоминаний. Тот же приглушённый свет, окрашивающий всё в янтарные тона, тот же запах старого дерева, дешёвого эля и дорогого виски. Казалось, за четыре года здесь не сменилось ни одной пылинки. Хейз сделала паузу в дверях, сканируя пространство. Её тело помнило это место лучше, чем разум: знакомый скрип половиц под ногами, прохлада полированной стойки, которой она вот-вот должна была коснуться.

За немногочисленными столиками в небольшом пространстве ютились компании мужчин и женщин, по одежде и манерам вполне подходивших под антураж заведения. Их смех казался глуховатым, почти декоративным, как будто все здесь были частью тщательно поставленного спектакля, где у каждого имелась своя роль.

«Слава Богу, тут работает кондиционер», — мысленно поблагодарила Никки хозяина паба за заботу о своих клиентах. Взгляд зацепился за знакомую фигуру.

Гаррет сидел на своём излюбленном месте — у самого входа, за барной стойкой. Рядом с ним, разумеется, пустовало место. На стойке стояли два бокала — один почти пустой, второй полный, поджидавший её на «печеньке». «Бирдекель», — припомнила она название. Мужчина не повернулся, но его спина, расслабленная и уверенная, словно излучала вол-

ны спокойного торжества. Брюнет знал, что она пришла.

— 18 минут, — отметил он, когда Хейз умостила на соседний стул.

— Считаешь секунды до встречи со мной? – Насмешливо кинула Никки, снимая рюкзак и вешая его на спинку своего стула так, чтобы он свисал в сторону Гаррета. Старый жест, почти ритуальный – обозначить свою территорию, пока ещё есть силы.

— Смешно, — мужчина усмехнулся в ответ и опрокинул остатки горячительного напитка. — Повторить! — Бросил он через стойку, и его голос, низкий и властный, на мгновение перекрыл ирландские мотивы волынки.

Управляющий, чьё лицо за прошедшие годы стало ещё более дородным, повернулся с той же неторопливой грацией, что и всегда. Завидев девушку, он вспыхнул:

— Никки! Какими судьбами?

Тучный мужчина не поленился выйти из своего закутка и подойти к госте. Он ласково, по-отечески похлопал её по плечу.

— Нам тебя не хватало.

— Спасибо, Баг... Рада видеть. — Отозвалась она, и в голосе против воли прозвучала искренняя теплота. Он был единственной частью этого места, не вызывавшей у неё внутреннего сопротивления: бармен, официант, владелец паба и старинный приятель Гаррета в одном лице.

Народу у него всегда было хоть отбавляй: завсегдатаи и ни-

когда не обделяли добродушного толстяка чаевыми и сочными городскими сплетнями. А вот с сотрудниками всегда было сложно – текучка не оставляла ему выбора, приходилось работать за нескольких человек сразу.

Гаррет любил это место хотя бы потому, что всё здесь казалось ему знакомым и понятным, и чем-то напоминало самого себя. Есть вещи и люди, которые не меняются. Здесь же он был в эпицентре событий и всё узнавал, что называется, «из первых рук».

— Твои восемнадцать лет выдержки, — Баг поставил перед брюнетом наполненный стакан и взглянул на девушку. — Перекусишь чего?

— Мне самый большой стейк, что у вас есть.

— С минимальной прожаркой?

Девушка кивнула:

— Гарнир на твой вкус.

— Будет сделано! — Не задавая лишних вопросов, он удалился на кухню.

Гаррет недовольно бросил на неё оценивающий взгляд:

— Ты опять ничего не ела за день?

Никки на это виновато пожала плечами.

— Наверное, ещё и завтрак пропускаешь?

Молчание стало для него очевидным ответом. Он цокнул языком и покачал головой, выражая негодование.

— Сколько раз тебе нужно повторять, что завтрак – это самая важная часть приёма пищи? Или у твоего нового хо-

зьяина по правилам внутреннего распорядка сотрудники питаются прахом амбиций?

Выслушивая наравоучения, шатенка не могла отделаться от мысли, что его забота была похожа на бархатные наручники – мягкие, но неумолимые. Она поджала губы и оставила его, в очередной раз, без ответа, подняв свой бокал с подстаканника:

— Добрый вечер?

Прикрыв глаза и удручённо выдохнув, Гаррет снисходительно согласился.

— Добрый вечер. — Послышался звон. Звук был слишком чистым для этого, затянутого дымкой прошлого, места.

Когда на столе оказалась тарелка с огромной мясной вырезкой и бэби-картофелем, Гаррет стал наблюдать, как Хейз почти с детским энтузиазмом набросилась на еду. Он молча отпивал свой виски, отмечая про себя каждую деталь – как она держала вилку, как отодвигала волосы от лица, как её плечи наконец расслабились после первых кусочков. Это была та Никки, которую он знал: для которой хороший стейк значил больше, чем все корпоративные тайны мира.

— Много чего поменялось за это время? — Спросила она, проглатывая очередной кусок мяса, когда первая волна голода утихла.

— В баре? — Вовремя подошедший бармен рассмеялся, вытирая руки о фартук. — Новые сорта пива, пара новых царапин на стойке... а в остальном – та же история. Вон, —

он кивнул в сторону угла, — старики в дартс играют. Джексы всё свои безнадёжные пари заключает. А ты-то как? Слышал, в серьёзной конторе теперь?

Никки почувствовала, как взгляд Гаррета становится пристальнее.

— Пока присматриваюсь, — уклончиво ответила она.

— Ну, если что, — Баг понизил голос, — у меня тут половина города проходит. Всякие разговоры слышу. Можешь заходить — всегда что-нибудь интересное расскажу.

— Спасибо, — прожевав ломтик, ответила шатенка. — Я ценю твою заботу.

Бармен кивнул и удалился к другим гостям, оставив их в привычном полумраке. Гаррет молча наблюдал за ней через край своего стакана.

— Нравится? — Наконец спросил он, когда она сделала глоток из бокала, учтиво предоставленного им в начале вечера.

— Неплохо. Сбалансированный.

— Так почему опоздала? Новые привычки? — Мужчины вальяжно расположился на стуле, усаживаясь к шатенке в пол-оборота.

— Новые обязанности.

— Расскажешь?

— Вряд ли тебя заинтересуют корпоративные отчёты. — Делиться с ним своими мыслями ей совсем не хотелось.

— Меня интересует всё, что касается тебя.

— Давно ли? — Голос внезапно сорвался, став ниже и хриплее от нахлынувшей горечи. Никки махом опрокинула остатки виски, и тот приятно обжёг горло.

— Не передёргивай, — отмахнулся брюнет, — так было всегда.

Хейз поставила пустой стакан на стол с характерным стуком.

— Четыре года молчания – это твой способ проявлять интерес?

Гаррет изучающе провёл пальцем по краю стекла.

— Время – понятие относительное. Для некоторых процессов оно необходимо. — Он сделал небольшой глоток. — Наблюдать за тобой стало... увлекательнее.

Никки не стала уточнять, о чём конкретно шла речь. Она провела в баре ещё около пары часов. Разговор тёк лениво, как виски в стакане Гаррета – без особого направления, но с постоянным подтекстом. Собеседник не пытался выудить какую-либо информацию, скорее наслаждался самим процессом исследования, как селекционер, оценивающий изменения в давно выведенном сорте. Хейз отвечала неоднозначно, сохраняя лёгкую улыбку, хоть периодически внутри всё и сжималось от его пронзительного, аналитического взгляда. Она не могла отделаться от мысли, что бывший собирает данные и обновляет досье. Каждое её движение, каждая интонация тут же аккуратно извлекалась им, каталогизировалась и откладывалась в бездонную картотеку его памяти.

Перед уходом Гаррет подозвал Бага и заказал сэндвич с ростбифом навынос.

— Бери, — он протянул девушке бумажный пакет, когда тот появился на стойке. Серьёзный тон не оставлял пространства для возражений. — Завтрак.

В его жесте не было ни капли настоящей заботы — лишь холодная, почти клиническая констатация факта: «Объект демонстрирует признаки энергетического дефицита. Требуется коррекция питания». Никки хотела было отказаться, но он уже отвернулся, чтобы оплатить счёт. Это было не предложение, а директива. Что, впрочем, её даже успокаивало. С Гарретом всё было просто: он всегда оставался ядовитой змеей, а не овцой в волчьей шкуре.

На улице мужчина молча поднял руку, и к тротуару сразу же подкатило такси, будто ждало его сигнала. Он всё так же умел управлять реальностью, выстраивая её вокруг себя по своему усмотрению, заметила Хейз.

— До новых волнующих встреч, — сказал Гаррет, открывая ей дверь. Он сунул несколько купюр водителю и легонько стукнул пару раз по крыше автомобиля, отпуская её.

Машина тронулась, увозя Никки от янтарного света бара в синеву вечерних улиц. Контраст был разительным: там — тесный, душный мирок, законсервированный в прошлом, здесь — холодный, безразличный город, в котором ей предстояло выживать. Девушка достала наушники, чтобы отвлечься от смятения и послушать музыку. Она смотрела в окно, чув-

ствуя тяжесть сэндвича на коленях и ещё большую тяжесть – его внимания.

Хейз поймала себя на том, что до сих пор непроизвольно сжимает в кармане ключи – старый приём, чтобы пальцы не дрожали. Четыре года прошло, а тело всё помнило реакции на бывшего. Его присутствие было как старый шрам, который начинал ныть при смене погоды.

Такси остановилось у небольшого дворика. Никки, подойдя ближе к дому, заметила свет в гостиной. Кейт, должно быть, не спала. Мысль о неизбежном разговоре с сестрой заставила её нервно выдохнуть: последнее, что ей хотелось бы делать поздним вечером после трудного дня – это отчитываться о рабочих буднях. Она присела на низкую бетонную лавочку у подъезда, оттягивая момент.

Воздух был спёртым, насыщенным пылью и городским зноем. Шатенка закрыла глаза, пытаясь отогнать остатки напряжения. Двор был пуст. По крайней мере, ей так казалось первые минут пять, после чего краем глаза она заметила движение. Напротив, в нише между двумя домами, где располагался старый, покрытый ржавчиной распределительный щиток, приоткрылась дверца. Оттуда на неё смотрели глаза – испуганные, уставшие, человеческие.

Никки замерла. Из полуразрушенного металлического шкафа, служившего укрытием, выглядывал бездомный, закутанный в несколько слоёв поношенной одежды. Он вжался в самый угол, вероятно, пытаясь стать невидимым. В его

взгляде читался не страх, а усталая покорность.

Недолго понаблюдав за ним, Хейз поднялась и перешла улицу. Мужчина съёжился, но не побежал. Девушка остановилась в паре метров от него, медленно, чтобы не спугнуть, подняла крафтовый пакет.

— Возьми, — тихо сказала она, протягивая сэндвич. Мужчина отрицательно замотал головой, отодвигаясь глубже в укрытие. — Бери, бери, мне не нужно.

Человек нерешительно потянулся. Его грязные, исцарапанные пальцы бережно приняли свёрток, а серые глаза встретились с её, карими, и он быстро, почти незаметно, кивнул, прижимая еду к груди. Рот мужчины приоткрылся, но не издал ни звука — лишь безмолвный, благодарный выдох.

«Немой», — заключила шатенка.

Два одиночества. Одно — в ржавом щитке, другое — в чистом джемпере. Разная упаковка, одинаковая суть.

Никки кивнула в ответ и, не говоря больше ни слова, развернулась и пошла к подъезду. За спиной слышалось шуршание бумаги.

Перед тем как повернуть ключ в замке, девушка на секунду замешкалась, предвкушая изматывающие допросы. Дверь квартиры закрылась с тихим щелчком, отрезав шум прошедшего вечера, чтобы обрушить на неё шквал сестринской энергетики.

— О, вернулась! — Донёсся из гостиной голос Ника.

— Я уж думала, тебя тот твой босс-красавчик на ужин

увёл. — Подхватила Кейт. — Рассказывай! Как второй рабочий день?

— Не сейчас, — Никки сбросила куртку и направилась к своей комнате, мысленно уже составляя отчёт для Алана.

— Ладно, ладно, — не унималась сестра, следуя на кухню, пока младшая медленно поднималась на второй этаж. — Тогда я расскажу. Представляешь, к нам в «Квантум» сегодня комиссия приезжала? Не аудиторы, а какие-то... ну, из мэрии, что ли. С видеооператором. Говорят, снимают сюжет про «поддержку молодых учёных». Весь отдел выстроили, как на парад. А потом наш директор с таким видом, будто он лично это придумал, про «новые программы социального партнёрства» ляпнул. Бла-бла-бла, «свежая кровь», «кадры решают всё». Прямо как в роликах той партии новой, как её... моральное общество?

— Комитет, — крикнул с дивана рыжий, не сильно отвлекаясь от просмотра какого-то телевизионного шоу.

— Одни лозунги... — Продолжала старшая Хейз.

Никки уже взялась за ручку своей двери. Слова сестры проплывали мимо, как далёкий гул. «Социальное партнёрство», «свежая кровь»... пустой звук. Её мозг, перегруженный профилями сотрудников, Дэя и тревожными намёками из бара, отказывался переваривать эту казённую шелуху.

— Слушай, а у вас там хоть кормят нормально? — Это был последний вопрос, который шатенка услышала, прежде чем дверь спальни закрылась, оставив её наедине с тишиной

и тяжёлыми мыслями.

На кухне, за стеной, Кейт вздохнула и принялась наводить порядок в уже чистых шкафчиках, бормоча что-то про сестрину необщительность, в чём, безусловно, её поддерживал и молодой человек. А Никки, уткнувшись лицом в подушку, даже не запомнила название той партии, о которой они болтали. Да и какая была разница? В её жизни хватало реальных призраков. Очередные политики с их обещаниями были последним, о чём она хотела думать.

«Всего пять минуточек и... работа».

Глава 8

Солнечный луч, пробив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.